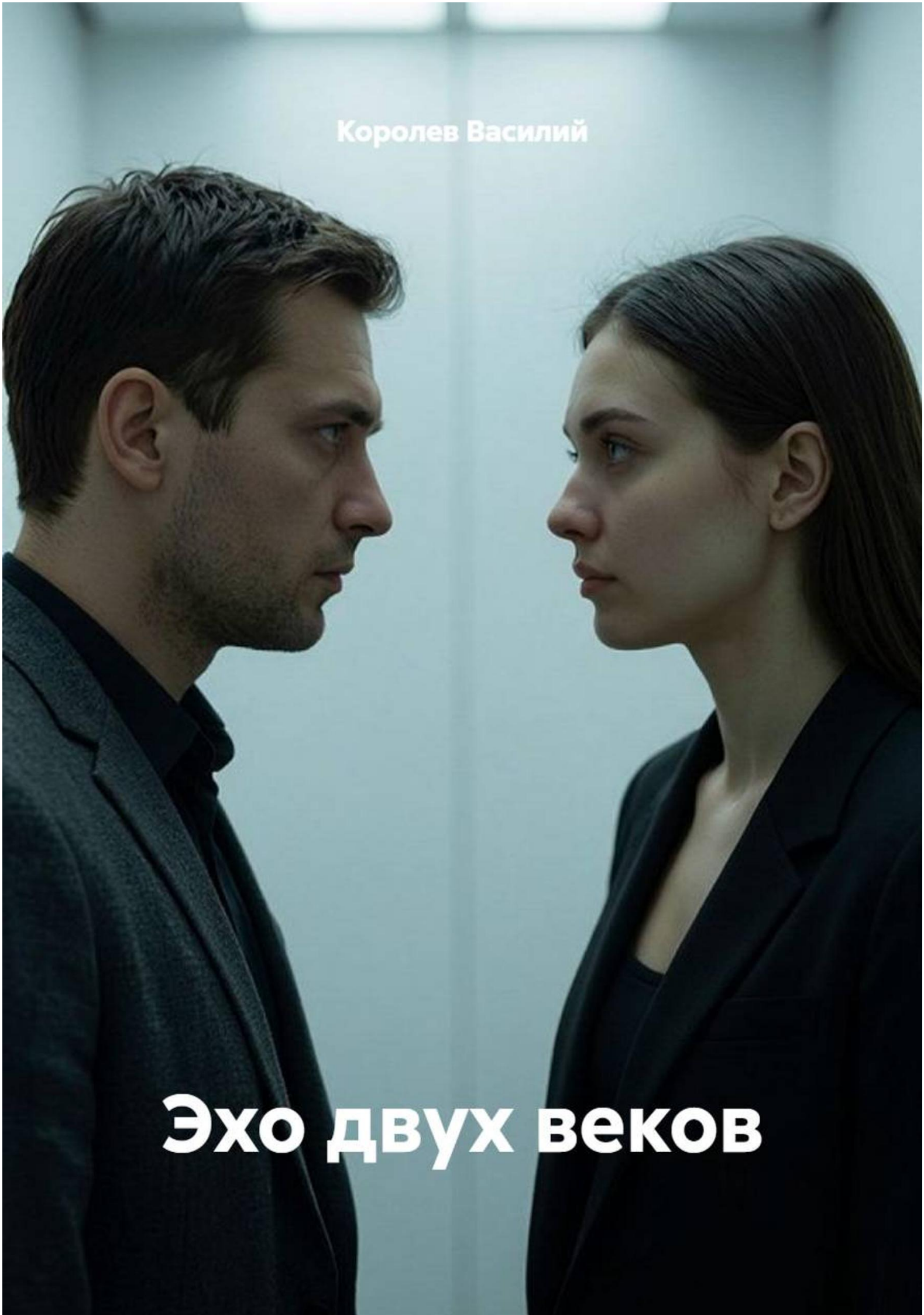
Королев Василий



Эхо двух веков

Королев Василий

Эхо двух веков

«Автор»
2026

Василий К.

Эхо двух веков / К. Василий — «Автор», 2026

Научно-фантастическая драма о любви и памяти.Будущее . Вымышленный мир становится реальностью и как сложно опять потом оказаться в реальности, когда столько пережил, приобрел и счастье было так близко...

© Василий К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Начало 6
Пролог 6
Глава 1. Сбой в системе 7
Глава 2. Бабушка 8
Глава 3. Белая комната 9
Глава 4. Девочка, которая задавала вопросы 10
Глава 5. Объект 734-А 11
Глава 6. Первое свидание 12
Глава 7. Первая ссора 13
Глава 8. Крыша 15
Глава 9. Нейропластичность 17
Глава 10. Быстрее света 20
Глава 11. Внутренний критик 23
Глава 12. Родители Элины 26
Глава 13. Эпоха денег 28
Глава 14. Что вместо денег 29
Глава 15. Решение 30
Часть вторая. Тени 31
Глава 1. Совет по темпоральной этике 31
Глава 2. Другое предложение 33
Глава 3. Человек, который стирал 35
Глава 4. Разговор в темноте 37
Глава 5. После 39
Глава 6. План 41
Глава 7. Признание 46
Глава 8. Примирение 48
Часть третья. Ника 50
Глава 1. Месть 51
Глава 2. Секрет 55
Глава 3. Втроём 57
Глава 4. Аврора 60
Глава 5. Решение 62
Глава 6 . Задание 65
Часть четвертая. Аврора 68
Глава 1. Дом 68
Глава 2. Свободнее 69
Глава 3. Планшет 71
Глава 4. Джойс 73
Глава 5. Декаданс 75
Глава 6. Телепортация 77
Глава 7. Запутанность 79
Часть пятая 81
Глава 1. Фауст 81
Глава 2. Что отдать 83
Глава 3. Секрет 85
Глава 4. Поток 87

Глава 5. Вслух 89
Глава 6. «Фауст"- что отдать 91
Глава 7. Секрет 92
Глава 8. Втроем 94
Эпилог. Аврора 96
Часть шесатая. Конец иллюзии 98
Глава 1. Раздор. 98
Глава 2. Высадка 99
Глава 3. Кукловоды 100
Глава 4. Отключение 101
Глава 5. Реальность 102
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Эхо двух веков

Часть первая. Начало

Пролог

Санкт-Петербург, 2026 год

Артём Волков, 35 лет

Инженер-программист. Основатель стартапа «Хронос». Сутулится, пьёт слишком много кофе. Внутри живёт голос, который говорит: «Ты недостаточно хорош». Артём с ним воюет всю жизнь. Иногда побеждает. Чаще — нет. Верит, что если долго биться головой в стену, стена когда-нибудь треснет.

Элина Соколова, 27 лет

Физик. Ведущий специалист по темпоральной физике комплекса «Заря». Коротко стриженные волосы, серые глаза, привычка ерошить затылок, когда думает. Не терпит мистики, уважает чужие заблуждения, не боится говорить «я не знаю». Боится одиночества — не «быть одной», а «быть непонятой».

Их встреча

Он очнулся в белой комнате, не понимая, где он. Она появилась на экране и сказала ровным голосом: «Объект 734-А, вы находитесь в секторе временных аномалий. Год 2126-й». Он не поверил. Она не стала спорить. Просто ждала, когда он поймёт. Это было начало.

Глава 1. Сбой в системе

Санкт-Петербург, 2026 год. Артём Волков не любил понедельники. Особенно такие, как этот.

Его стартап — «Хронос» — разрабатывал алгоритмы для квантовых компьютеров. Идея была амбициозной: использовать квантовые эффекты для передачи данных сквозь время. На практике это означало бесконечные тесты, сбои и разговоры с инвесторами, которые тянули с решением.

В тот вечер Артём остался в лаборатории один. Лаборатория находилась на последнем этаже старого здания на Петроградской стороне — бывший НИИ, переоборудованный под офисы и коворкинги. Из окна был виден Невский проспект, серое небо и моросящий дождь, который, казалось, шёл здесь всегда.

— Ну что, старина, — пробормотал Артём, глядя на мерцающий корпус аппарата, опутанного кабелями. — Если ты взорвёшься, я хотя бы перестану платить за аренду.

Он нажал кнопку запуска.

Вместо ожидаемого тихого гудения воздух прорезал резкий треск. Синий свет вырвался из-под крышки «Хроноса» и залил комнату. Артём почувствовал, как пол уходит из-под ног. Его тело словно растянуло в бесконечную струну, а затем с силой швырнуло в неизвестность.

Глава 2. Бабушка

Флешбэк. Санкт-Петербург, 2007 год

Артём вырос в Петербурге, в семье, где всё было «нормально». Отец — инженер на заводе, молчаливый, усталый, приходил домой поздно и садился перед телевизором. Мать — учительница, вечно занятая тетрадями и родительскими собраниями. Они не ссорились. Не кричали. Не били. Они просто… не видели его.

Артём научился быть удобным. Не высовываться. Не мешать. Он хорошо учился — не потому, что хотел, а потому, что «так надо». Он поступил в университет — не потому, что мечтал, а потому, что «так правильно». Он создал стартап — не потому, что верил в идею, а потому, что хотел доказать: «Я не пустое место. Я что-то значу».

Бабушка была единственным человеком, который его видел. Её звали Вера Павловна. Она была хирургом — всю жизнь проработала в больнице на Васильевском острове. Сначала — в районной, потом — в городской. Оперировала. Спасала. Теряла.

Она жила в маленькой квартире на Васильевском, в старом доме с высокими потолками и скрипучими полами. Там пахло валерьянкой и старыми книгами. Она говорила с ним не как с ребёнком, а как с человеком. Рассказывала про СССР — не идеализируя, но и не очерняя. Говорила: «Мы не боялись завтрашнего дня. А вы теперь боитесь». Артём тогда не понимал. Сейчас — начинает.

Бабушка умерла, когда ему было шестнадцать. На похоронах он не плакал. Не потому, что не хотел. А потому, что не умел. Его никто не научил.

После её смерти Артём нашёл старую тетрадь — потрёпанную, с пожелтевшими страницами. В ней бабушка записывала мысли. Последняя запись была сделана за неделю до смерти:

«Артёмка. Если ты это читаешь — значит, меня уже нет. Не плачь. Я прожила хорошую жизнь. Была война, была любовь, была работа. Была ты. Ты — лучшее, что я сделала. Не потому, что ты гений. Не потому, что ты добрый. А потому, что ты — ты. Боишься, но идёшь. Падаешь, но встаёшь. Молчишь, но слышишь. Я вижу тебя. И буду видеть. Всегда. Твоя бабушка. Вера Павловна».

Артём прочитал это ночью. И заплакал. Впервые за много лет. Не потому, что было больно. А потому, что было тепло. И потому, что кто-то — хоть один человек в мире — видел его. По-настоящему.

Глава 3. Белая комната

Артём очнулся на холодном металлическом полу. Первое, что бросилось в глаза, — стерильная белизна помещения и отсутствие привычных проводов. Второе — тишина. Абсолютная, неестественная тишина, в которой слышался лишь его собственный пульс.

Он поднялся. Голова кружилась. Последнее, что он помнил, — лаборатория на Петроградке, дождь за окном, синий свет.

На стене напротив вспыхнул экран, и на нём появилось лицо. Молодая женщина, лет двадцати пяти, с коротко стриженными тёмными волосами и пронзительными серыми глазами. Она смотрела на него без удивления, скорее с научным интересом.

— Объект 734-А, — произнесла она ровным голосом. — Вы находитесь в секторе временных аномалий Научно-исследовательского комплекса «Заря». Год 2126-й. Вы прибыли сюда в результате незарегистрированного квантового смещения. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Артём моргнул. Раз, другой. Сто лет. Он перепрыгнул через сто лет.

— Это… шутка? — выдавил он.

— Наука не шутит, объект 734-А, — ответила женщина. — Меня зовут Элина Соколова, я ведущий специалист по темпоральной физике. Сейчас вы находитесь на карантинном сканировании. Когда мы убедимся, что ваше присутствие не несёт деструктивной угрозы, с вами свяжутся.

Экран погас.

Артём остался один в белой комнате. Он сел на пол, обхватив голову руками. В голове проносились мысли о родителях, о недоделанном проекте, о чашке холодного кофе, оставшейся на столе в далёком 2026-м. О дожде за окном. О Питере.

Это было невероятно. И в то же время… абсолютно реально.

Глава 4. Девочка, которая задавала вопросы

Флешбэк. 2105 год

Элина выросла в 2126 году — в мире, где нет денег, нет войн, нет бедности. Её родители были учёными: мать — биолог, отец — инженер. Они работали в комплексе «Заря», и Элина с детства была окружена приборами, схемами и разговорами о физике.

Она была поздним ребёнком — родители ждали её долго. И они её обожали. Не в смысле «баловали», а в смысле «видели». Они спрашивали, что она думает. Слушали её ответы. Не смеялись над её вопросами. Когда она в шесть лет спросила, почему время идёт в одну сторону, отец не отмахнулся. Он сел с ней и нарисовал схему. Она ничего не поняла. Но запомнила, что её вопрос был важен.

Родители погибли, когда ей было двадцать. Авария на производстве — редкая в 2126-м, но возможная. Что-то с энергосистемой. Они погибли мгновенно. Элина осталась одна.

Она не сломалась. Она продолжила работать. Но что-то в ней закрылось. Она перестала задавать вопросы. Перестала смеяться. Перестала верить, что её кто-то увидит. Она стала «Элиной-физиком». «Элиной-специалистом». «Элиной, которая справляется».

Она справлялась. Но была одна.

Бабушка — по отцу — была ещё жива. Она жила в другом городе, и Элина навещала её раз в месяц. Бабушка была старой, мудрой и немного ворчливой. Она говорила: «Ты слишком много работаешь. Ты забываешь жить». Элина отмахивалась. Но где-то внутри знала, что бабушка права.

Именно бабушка научила её пить чай. Настоящий, не синтетический — хотя в 2126-м настоящий чай был редкостью. Бабушка говорила: «Чай — это не просто напиток. Это пауза. Момент, когда ты никуда не спешишь». Элина до сих пор пьёт чай каждый вечер. Как паузу.

Глава 5. Объект 734-А

2126 год

Когда Элина увидела на экране человека из прошлого, она не удивилась. Она ждала этого. Теория предсказывала возможность такого смещения. Но она не ожидала, что он будет… таким.

Он выглядел растерянным. Испуганным. Злым. Он смотрел на неё с недоумением, словно она была частью какого-то абсурдного сна. И в его глазах было что-то ещё. Что-то, что Элина узнала. Одиночество.

Через три часа она вошла в его камеру. Вблизи он оказался выше, чем казался на экране. Худой, сутулый, с непослушными волосами и тенью недосыпа под глазами.

— Сканирование завершено, — сообщила она. — Ваши биологические параметры в норме. Но есть проблема: ваше присутствие здесь создаёт парадокс. Вы не должны существовать в этом времени.

— Я и не хотел здесь оказаться, — огрызнулся он. — Меня зовут Артём. И я хочу домой.

Элина подняла на него глаза.

— Боюсь, это невозможно. Пока. Обратный вектор смещения требует колоссальной энергии. Мы можем попытаться, но не раньше, чем через несколько месяцев. А пока… вам придётся адаптироваться.

Так началась его жизнь в 2126 год

Глава 6. Первое свидание

Прошло две недели. Артём уже немного освоился: знал, где находится его комната, как работает синтезатор еды, как вызвать Элину по браслету. Но он всё ещё чувствовал себя гостем. Чужим. Временным.

Элина предложила показать ему город. Они вышли из комплекса «Заря» и пошли пешком. Город был зелёным: дома увиты растениями, на крышах — сады, воздух пахнет свежестью. Машины ездят бесшумно, люди ходят без масок, дети играют в парках.

— Странно, — сказал Артём. — Я ожидал… не знаю. Летающие машины. Роботов.

— Летающие машины есть, — сказала Элина. — Но они не нужны. Транспорт и так справляется. А роботы… — она кивнула на автоматическую уборочную машину. — Они везде. Просто не бросаются в глаза.

Они дошли до парка под куполом, где росли настоящие яблони. Элина сорвала одно яблоко и протянула ему.

— Попробуй.

Артём откусил. Яблоко было настоящим. Сладким, сочным, с тонкой кожицей.

— Ничего себе, — пробормотал он. — Как в детстве.

— Это генетически восстановленный сорт, — сказала Элина. — Их было почти не осталось после климатического кризиса. Но мы смогли вернуть.

Артём жевал яблоко и смотрел на неё. Она стояла под деревом, в свете искусственного солнца, и улыбалась. Он впервые заметил, какие у неё глаза. Серые. Внимательные. Немного грустные.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Он отвёл глаза. — Просто… яблоко вкусное.

Она засмеялась. И он засмеялся тоже. Впервые за всё время — просто так, без причины.

Они сели на скамейку.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — я завидую тебе.

— Мне? — Артём поперхнулся. — Чему?

— Ты видел мир, которого я не видела. Настоящий. С борьбой, с… — она замялась. — С жизнью. У нас всё есть. Но иногда мне кажется, что мы потеряли что-то важное.

Артём помолчал. Потом сказал:

— В моё время все мечтали о мире, где нет войн и бедности. А ты говоришь, что мы что-то потеряли?

— Не знаю. — Элина пожала плечами. — Может быть, я просто романтизирую. Но иногда мне кажется, что без борьбы жизнь становится… плоской.

Артём посмотрел на неё. И вдруг понял: она тоже боится. Не так, как он. Но боится. Быть непонятой. Быть одной.

— Я тоже боюсь, — сказал он тихо.

Она повернулась к нему.

— Чего?

— Быть ненужным. — Он усмехнулся. — Глупо, да? Взрослый мужик, а боюсь, что меня никто не видит.

Элина помолчала. Потом сказала:

— Не глупо. Я тоже этого боюсь.

Они сидели на скамейке, ели яблоки и молчали. Но это было не неловкое молчание. Это было молчание двух людей, которые впервые почувствовали, что их кто-то видит.

Глава 7. Первая ссора

Прошло полтора месяца. Артём уже почти привык к будущему. Он всё ещё чувствовал себя гостем, но уже не чужим.

А потом случилась ссора.

Она началась с ерунды. Элина предложила пойти на совет по распределению — обсудить заявку на новое оборудование для лаборатории. Артём сказал:

— А зачем тебе это? Ты же физик. Пусть этим занимаются… ну, те, кто разбирается.

Элина остановилась.

— В смысле — «пусть занимаются»?

— Ну, — Артём пожал плечами, — ты же не обязана всё делать сама. Есть же люди. Пусть они решают. А ты занимайся наукой.

— А кто будет решать? — Элина говорила ровно, но в голосе появился лёд. — Кто-то другой? Который не разбирается в физике?

— Ну… — Артём замялся. — Ты же понимаешь, о чём я.

— Нет. Не понимаю. — Элина скрестила руки. — Объясни.

Артём вздохнул.

— Я говорю о том, что ты взваливаешь на себя всё. Работу, советы, распределение. Ты не отдыхаешь. Ты не спишь. Ты всё время занята.

— И что? — Элина подняла бровь. — Это моя жизнь. Мне нравится.

— Тебе нравится? — Артём усмехнулся. — Ты выглядишь уставшей. Ты не смеёшься. Ты просто… функционируешь.

— Функционирую? — Элина вспыхнула. — Знаешь что? Ты здесь полтора месяца. Полтора. А уже учишь меня, как жить.

— Я не учу. Я просто говорю, что вижу.

— А я вижу, что ты боишься. — Она шагнула к нему. — Ты боишься, что я тебя брошу. Вот и пытаешься контролировать. Как ты контролировал всё в 2026-м. Только там были отчёты и кураторы. А здесь — я.

Артём замер. Это было больно. Потому что это было правдой.

— Ладно, — сказал он тихо. — Может быть, ты права. Но ты тоже боишься. Ты боишься, что тебя никто не увидит. Вот и прячешься за работой. За советами. За наукой. Чтобы не оставаться одной с собой.

Элина молчала. В комнате стало тихо. Только климат-контроль гудел.

— Уходи, — сказала она наконец. — Пожалуйста. Мне нужно побыть одной.

Артём вышел. Он шёл по коридору и чувствовал, как внутри всё сжимается. Он не хотел ссориться. Он хотел помочь. Но получилось… как всегда.

Он вернулся в свою комнату. Сел на кровать. И вдруг услышал голос — тот самый, внутренний критик.

«Я же говорил. Ты всё испортил. Ты никому не нужен. Она тебя бросит».

Артём закрыл глаза. И впервые за всё время — ответил.

— Замолчи, — сказал он вслух. — Просто замолчи.

Голос замолчал. Артём сидел на кровати и смотрел в стену. Он не знал, что делать. Но он знал, что не хочет терять Элину.

На следующий день он пришёл к ней. С яблоком — настоящим, из парка.

— Прости, — сказал он. — Ты была права. Я боюсь. И я пытался контролировать тебя, потому что не знаю, как ещё справиться со страхом.

Элина взяла яблоко. Помолчала.

— Я тоже прошу прощения. Я не должна была говорить, что ты учишь меня жить. — Она усмехнулась. — Хотя ты учишь. Просто… я не привыкла, чтобы кто-то видел меня. Вот и защищаюсь.

Они стояли в дверях. Яблоко было съедено. Ссора была забыта. Но что-то изменилось. Они стали ближе. Не потому, что помирились. А потому, что впервые увидели друг друга — настоящими.

Глава 8. Крыша

Прошло три месяца. Артём уже не чувствовал себя гостем. Он знал город, знал людей, знал, как работает распределение. Он даже начал помогать в лаборатории — его «ручной» подход к программированию оказался полезен.

Он и Элина были вместе. Не официально, не громко. Просто — вместе.

Однажды вечером они сидели на крыше комплекса «Заря». Отсюда был виден весь город — огни, зелёные крыши, бесшумные машины. Элина принесла плед, Артём — яблоки.

— Знаешь, — сказал вдруг Артём. — Я думал, что буду скучать по 2026-му. По работе, по отчётам, по борьбе. Но… не скучаю.

— А по чему скучаешь?

— По бабушке. — Он помолчал. — По её чаю. По её голосу. По тому, как она говорила: «Ты только не бойся, Артёмка». И по дождю. В Питере всегда шёл дождь. Я думал, что ненавижу его. А теперь… не знаю.

Элина взяла его за руку.

— Расскажи мне о ней.

И он рассказал. О маленькой квартире на Васильевском. О валерьянке и старых книгах. О том, как она говорила: «Мы не боялись завтрашнего дня». О том, как она умерла, когда ему было шестнадцать. О том, как он не плакал на похоронах — потому что не умел.

Элина слушала. Не перебивала. Не давала советов. Просто слушала.

Когда он закончил, она сказала:

— Она была хорошей.

— Да. — Артём сглотнул. — Она была единственной, кто меня видел.

Элина помолчала. Потом сказала:

— Теперь есть я.

Артём повернулся к ней.

— Я вижу тебя, — сказала она тихо. — Не «объекта 734-А». Не «человека из прошлого». Тебя. Артёма. Который боится. Который грызёт ногти. Который говорит «замолчи» своему внутреннему критику. Я вижу.

Артём почувствовал, как что-то сжалось в горле.

— А я вижу тебя, — сказал он. — Не «Элину-физика». Не «специалиста по темпоральной физике». Тебя. Которая боится быть непонятой. Которая ерошит волосы, когда думает. Которая пьёт чай, чтобы сделать паузу. Я вижу.

Они смотрели друг на друга. Город горел огнями. Климат-контроль гудел.

И в этот момент — не в постели, не в музее, не в лаборатории, а здесь, на крыше, под искусственным небом — они поняли, что любят друг друга.

— Я люблю тебя, — сказал Артём тихо.

— Я знаю, — ответила Элина. — Я тоже.

Они поцеловались. И в этом поцелуе было всё: прошлое, которое не определяет будущее, настоящее, которое нужно прожить, и будущее, которое они решили построить вместе.

Артём проснулся от того, что кто-то водил пальцем по его плечу. Он открыл глаза. Элина лежала рядом, подперев голову рукой, и смотрела на него.

— Ты храпишь, — сказала она.

— Я не храплю.

— Храпишь. Какой-то… синтетический храп. Как будто у тебя в горле работает маленький моторчик.

Артём засмеялся. Впервые за всё время — легко, без усилия.

— Сколько времени?

— Утро. — Элина тоже села. — Мне через час на работу. У меня сеанс с Виктором.

— С кем?

— С коллегой. — Она поморщилась. — Нарцисс. Но не в том смысле, как вы это называли в 2026-м. Он не злой. Просто… не умеет видеть других. Я тебе потом расскажу.

Она встала, накинула халат.

— Хочешь чаю?

— Только не синтетического.

— Другого нет. — Она обернулась. — Привыкай.

Элина вернулась с двумя чашками. Поставила одну перед ним.

— Слушай, — сказала она, садясь напротив. — Я хочу тебе кое-что показать. И кое-что рассказать.

— Что?

— Сначала показать. — Она улыбнулась. — Потом рассказать.

Глава 9. Нейропластичность

Кухня Элины

— Слушай, — сказал Артём, отставив кружку. — У вас тут что, Фрейда вообще не читают?

Элина как раз пыталась открыть банку с чем-то сыпучим. Банка не поддавалась.

— Читают, — сказала она, дёрнув крышку. — Как исторический курьёз. Примерно как мы читаем алхимиков. — Крышка поддалась с хлопком. — Чёрт. Ладно. Да. Алхимиков.

— Алхимиков? — Артём поднял бровь. — Серьёзно? А как же «все проблемы из детства»? Подсознание, комплексы, травмы?

— Вот именно. — Элина насыпала что-то в свою кружку и села напротив. — В 2126-м мы поняли, что Фрейд ошибался. Не в деталях — в самой основе. Он считал, что психика — это тёмный подвал. Что там хранятся вытесненные желания, детские травмы. Мы выяснили: подвал пуст. Там просто нейронные сети, которые работают автоматически.

— И что это значит?

— Это значит, что ты не раб своего прошлого. — Она посмотрела на него. — Нейропластичность. Мозг — это не статуя, которую нужно реставрировать. Это мышца. Её можно тренировать. В любом возрасте.

— Погоди. — Артём нахмурился. — То есть если у меня была какая-то детская травма, я не обречён всю жизнь с ней бороться?

— Именно. В ваше время люди годами ходили к психоаналитикам. Копались в детстве. Винили родителей. — Она усмехнулась. — А мы просто спрашиваем: «Что ты хочешь изменить?» И перестраиваем реакции.

Артём помолчал.

— А как же бессознательное? Оно же есть?

— Есть. Но это не подвал с монстрами. Это просто автоматические процессы. Дыхание, сердцебиение, распознавание лиц. Мозг экономит энергию. И решения мы часто принимаем автоматически, а потом придумываем объяснения. Но это не значит, что нами управляют «вытесненные желания».

Она улыбнулась.

— Кстати, твоя любовь ко мне — если она есть — это не «перенос» на меня образа матери. Это просто совпадение нейрохимических профилей. Мы называем это «резонансные контуры».

Артём хмыкнул.

— Мы перестраиваем нейронные связи за три сеанса, — Прогресс.

Он засмеялся. Впервые за всё время — искренне.

— Ладно. Допустим. А если я захочу остаться здесь? Я смогу… перестроиться?

— Сможешь, — сказала она. — Нейропластичность не спрашивает, откуда ты. Она просто работает.

Центр нейротренинга

Кабинет находился в том же здании, где жила Элина. Небольшая комната, мягкий свет, два кресла и большой экран на стене. В кресле уже сидел мужчина лет сорока — худой, с усталыми глазами.

— Это Марк, — сказала Элина тихо. — Он работает в распределительном центре. Хочет избавиться от тревожности. Она ему мешает принимать решения.

Артём сел в углу и приготовился смотреть.

Элина надела на Марка что-то вроде обруча. Потом села напротив и включила экран.

— Итак, Марк. Ты готов?

Марк кивнул.

— Хорошо. — Элина нажала что-то на пульте. На экране появилось изображение — тёмный лес. — Ты помнишь, что нужно делать?

— Да. — Марк глубоко вздохнул. — Смотреть на лес. И искать… что-то. Что-то безопасное.

— Именно. Ищи что-то, что не вызывает тревоги. Может быть, свет. Может быть, тропинку. Что угодно.

Марк уставился на экран. Артём смотрел тоже. Лес как лес. Тёмный, немного жутковатый.

Прошло несколько минут. Марк молчал. Экран не менялся. Артём начал скучать.

И тут Марк сказал:

— Вот. Вижу.

— Что? — спросила Элина.

— Поляну. Вон там, справа. Между деревьями. Там свет.

— Хорошо. Сосредоточься на ней. Что ты чувствуешь?

— Ну… — Марк помолчал. — Спокойнее. Немного.

— Хорошо. Держи этот образ.

Артём наблюдал. Ничего не происходило. Но что-то в лице Марка изменилось. Напряжение ушло. Дыхание стало глубже.

Через полчаса Элина сняла с него обруч.

— Молодец. Ты хорошо справился. Как ощущения?

— Лучше. — Марк улыбнулся. — Намного лучше. Спасибо.

Он ушёл. Артём подошёл к Элине.

— И это всё? Он просто смотрел на лес и искал поляну?

— Не просто. — Элина отключила экран. — Обруч считывает активность его мозга. Когда он находит что-то безопасное — активируется определённая зона. Обруч это фиксирует. И мы можем видеть, работает ли упражнение. Если да — он повторяет его дома. Каждый день. Постепенно мозг привыкает. Новая связь укрепляется. Тревога уходит.

— И сколько это занимает?

— У Марка — месяца три. Может, четыре. Зависит от человека.

Артём помолчал.

— А если бы он не нашёл поляну?

— Тогда мы бы искали другое. Другой образ. Другую реакцию. Главное — найти хоть что-то, что вызывает спокойствие. И усиливать это. Постепенно.

— А если вообще ничего не вызывает спокойствия?

Элина посмотрела на него.

— Тогда мы работаем над этим. Ищем. Пробуем. Это не всегда быстро. Но возможно. Мозг пластичен. Он всегда может создать новую связь. Даже если кажется, что всё плохо.

Артём задумался.

— А страх? — спросил он. — Ну, тот самый. Который у меня. Который у всех был в 2026-м. Его можно перестроить?

Элина помолчала. Потом сказала:

— Можно. Но это сложнее. Страх — это не просто реакция. Это фон. Он как… как шум в голове. Ты к нему привыкаешь. И перестаёшь замечать. А он всё равно есть.

— И как от него избавиться?

— Не избавиться. — Она покачала головой. — Создать новые связи. Научиться замечать страх. И выбирать другую реакцию. Это долго. Но возможно.

Артём посмотрел на неё.

— А ты? Ты перестроила свой страх?

Элина замялась. Потом сказала:

— Я выросла в мире, где страха почти нет. Но… у меня тоже есть свои… штуки. — Она усмехнулась. — У всех есть. Даже в 2126-м. Просто мы умеем с ними работать.

— И как? Получается?

— Иногда. — Она пожала плечами. — Не всегда. Но я стараюсь.

Глава 10. Быстрее света

Лаборатория Элины. Тот же день

Артём сидел на подоконнике в лаборатории Элины, болтая ногами, и жевал синтетическое яблоко.

— Слушай, — сказал он, прожевав. — Я тут читал вчера ваш учебник по физике. И у меня вопрос.

Элина не оторвалась от экрана.

— М?

— Ты сказала, что в 2090-х вы преодолели скорость света. Это как вообще?

Элина помолчала. Потом отключила экран и повернулась к нему.

— Ты серьёзно хочешь знать?

— Ну да. В моё время это была фантастика. Эйнштейн, теория относительности, ничто не может двигаться быстрее света. А вы… вы это сделали.

— Мы не двигались быстрее света, — сказала Элина. — Мы обошли это ограничение.

Артём перестал жевать.

— В смысле?

Элина встала, подошла к доске — настоящей, меловой. Взяла мел.

— Смотри. — Она нарисовала две точки. — Вот Земля. Вот, скажем, Проксима Центавра. Четыре световых года. Ты летишь со скоростью света — ты добираешься за четыре года. Быстрее нельзя. Это предел.

— Знаю. Это же Эйнштейн.

— Эйнштейн. — Элина кивнула. — Но Эйнштейн говорил о движении в пространстве. А мы научились двигаться сквозь пространство.

— Это как?

— Как туннель. — Элина провела мелом линию между двумя точками — не прямую, а изогнутую, в обход. — Ты не летишь сквозь пространство. Ты складываешь его. Как лист бумаги. И проходишь напрямую.

— Червоточина? — Артём оживился. — Я читал про это. В моё время это была теория.

— Теория. — Элина улыбнулась. — А у нас — практика. Первый стабильный пространственный туннель мы создали в 2087 году. Не сразу — были провалы, аварии, жертвы. Но к 2095-му мы научились делать это безопасно.

Она села обратно.

— Но это не всё. Туннель — это только способ добраться. А чтобы вернуться — нужно было решить другую проблему. Обратный вектор. Мы научились не только складывать пространство, но и… разглаживать его. Возвращать в исходное состояние. Чтобы туннель не схлопнулся, пока ты внутри.

Артём молчал. Он смотрел на доску, на две точки, на изогнутую линию.

— И вы можете… куда угодно? В любую точку?

— В любую, до которой можем проложить туннель. — Элина кивнула. — Но это требует колоссальной энергии. И точных расчётов. Ошибка на миллиметр — и ты окажешься в открытом космосе. Или внутри звезды.

— И вы всё равно это делаете?

— Делаем. — Она пожала плечами. — Потому что иначе мы бы до сих пор сидели на одной планете и смотрели на звёзды в телескопы.

Артём отложил недоеденное яблоко.

— А зачем? — спросил он тихо. — Зачем вам это? В моём мире люди мечтали о звёздах. Но это была… мечта. А у вас — реальность. Зачем?

Элина посмотрела на него. Долго.

— Хочешь знать? — спросила она наконец.

— Хочу.

Она встала и подошла к окну.

— В 2050-х, когда случился климатический кризис, мы думали, что конец. Ресурсы кончались. Энергии не хватало. Люди умирали. И тогда кто-то — не помню, кто именно, какой-то физик из «Зари» — сказал: «А зачем нам бороться за ресурсы здесь? Давайте искать их там».

— И вы нашли?

— Нашли. — Элина кивнула. — Сначала — в Солнечной системе. Пояс астероидов. Там столько металла, сколько на Земле никогда не было. Потом — дальше. Проксима Центавра. Альфа Центавра. Звёзды, у которых есть планеты. Мы не колонизировали их — не хватило людей. Но мы научились добывать ресурсы. И это спасло нас.

Артём молчал.

— То есть, — сказал он медленно, — вы преодолели скорость света, чтобы… выжить?

— Чтобы выжить. — Элина улыбнулась. — И чтобы не бояться. В ваше время люди боялись будущего. А мы — нет. Потому что знаем: если что-то пойдёт не так, у нас есть выход. Есть звёзды. Есть место, куда можно уйти.

Артём задумался.

— А если бы не было этого выхода? Если бы вы не смогли?

— Тогда мы бы, наверное, погибли. — Элина пожала плечами. — Или стали бы другими. Я не знаю. История не имеет сослагательного наклонения.

Она вернулась к столу и села напротив него.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она тихо.

— Что?

— Мы преодолели скорость света. Мы научились складывать пространство. Мы можем добраться до любой звезды. Но мы до сих пор не научились… — она замялась, — …видеть друг друга. По-настоящему. Без масок. Без страха.

Артём посмотрел на неё.

— Ты про себя?

— Про всех. — Элина вздохнула. — Мы построили коммунизм. Отменили деньги. Создали нейропластичность. Преодолели скорость света. Но люди всё равно одиноки. Всё равно боятся. Всё равно прячутся.

Она помолчала.

— Может быть, это и есть самое сложное. Не скорость света. Не пространственные туннели. А… — она посмотрела на него, — …быть увиденным.

Артём взял её за руку.

— Я вижу тебя.

— Знаю. — Она улыбнулась. — Поэтому я и говорю с тобой об этом. С тобой — не страшно.

Они сидели молча. За окном светило искусственное солнце.

— Артём, — сказала вдруг Элина.

— М?

— А что бы ты сделал, если бы у тебя была такая возможность? Ну, скорость света. Туннели. Любая точка.

Артём задумался.

— Не знаю, — сказал он честно. — Наверное, вернулся бы домой. В Питер. Посмотрел бы, как там всё… — он замолчал. — Хотя нет. Питер — это прошлое. А я здесь.

— И ты не хочешь вернуться?

— Хочу. Но не в прошлое. — Он посмотрел на неё. — Я хочу вернуться в будущее. С тобой. И посмотреть, что там дальше.

Элина улыбнулась.

— Тогда давай посмотрим.

Она встала и протянула ему руку.

— Пойдём. Я покажу тебе туннель.

— Настоящий?

— Настоящий. — Она усмехнулась. — Не бойся. Это безопасно.

Артём посмотрел на её руку. Потом на неё.

— А если нет?

— Тогда мы попробуем ещё раз. — Она улыбнулась. — Нейропластичность. Помнишь?

Он засмеялся. И взял её за руку.

— Ладно. Показывай.

Глава 11. Внутренний критик

Вечер того же дня. Квартира Элины

Артём сидел на полу в гостиной. Листал что-то на планшете. Элина читала. В комнате было тихо, только тихо гудел климат-контроль.

— Элина, — сказал вдруг Артём, откладывая планшет.

— М?

— Вот ты сказала: «сущности» — это части психики. Внутренний критик, внутренний саботажник. Всякое такое.

— Сказала.

— У меня есть такая часть. — Артём помолчал. — Или был. В 2026-м. Голос в голове. Который говорил: «Ты ничего не добьёшься. Ты неудачник. Твой стартап провалится. Ты никому не нужен».

Элина отложила книгу и села напротив.

— И что этот голос говорил сейчас?

— Сейчас? — Артём усмехнулся. — Сейчас он говорит: «Ты застрял в будущем. Ты никому здесь не нужен. Элина с тобой только из жалости. Ты не сможешь вернуться. Ты умрёшь здесь, один, в этом чужом мире».

Он замолчал. Элина тоже молчала.

— И ты веришь этому голосу? — спросила она тихо.

— Иногда. — Артём пожал плечами. — Не так, как раньше. Но иногда.

— Хорошо. — Элина кивнула. — Тогда давай с ним познакомимся.

— С кем?

— С твоим критиком. — Она улыбнулась. — Ты же сам сказал: это часть тебя. Давай с ней поговорим.

Артём нахмурился:

— Ты серьёзно? Ты предлагаешь мне… поговорить с голосом в голове?

— А что тебя смущает? — Элина пожала плечами. — Ты же уже говоришь с ним. Каждый день. Просто не замечаешь. А мы сделаем это… осознанно.

Она встала и принесла два стула. Поставила их друг напротив друга.

— Садись. Вот сюда. А теперь представь, что напротив тебя сидит твой критик. Как он выглядит?

Артём поморщился, но сел.

— Не знаю. Как… как я сам? Только злее.

— Хорошо. Пусть будет так. — Элина села рядом. — Теперь скажи ему: «Привет. Я тебя вижу».

Артём помолчал. Потом сказал, чувствуя себя полным идиотом:

— Привет. Я тебя вижу.

— Теперь спроси: «Чего ты хочешь?»

— Чего ты хочешь?

Тишина. Артём сидел и ждал. И вдруг — он сам не понял, как это произошло — он услышал ответ. Не вслух. В голове. Голос был его собственный, но злее. Резче.

«Я хочу, чтобы ты не расслаблялся. Потому что если ты расслабишься — тебя съедят».

Артём вздрогнул.

— Он говорит… — начал он.

— Не мне. Ему. — Элина кивнула на пустой стул. — Говори ему.

— Хорошо. — Артём глубоко вздохнул. — Ты хочешь, чтобы я не расслаблялся. Почему?

«Потому что мир опасен. Потому что если ты не будешь стараться — ты проиграешь. Потому что никто тебе не поможет».

— Но сейчас мир не опасен, — сказал Артём. — Я в будущем. Здесь нет денег, нет войн, нет бедности.

«Ты не знаешь этого. Ты не знаешь, что здесь может случиться. Ты не знаешь, кому можно доверять. Ты не знаешь, что будет завтра».

— И что? — Артём почувствовал, как в нём поднимается раздражение. — Что мне делать? Всю жизнь бояться?

«Да. Потому что страх — это единственное, что тебя спасало. В 2026-м. В твоём стартапе. В твоей жизни. Ты выжил, потому что боялся. А теперь ты хочешь расслабиться? И что будет?»

Артём замолчал. Он не знал, что ответить.

Элина положила руку ему на плечо.

— Спроси его: «Ты хочешь мне помочь?»

Артём повторил.

«Да. Я хочу, чтобы ты выжил».

— Тогда почему ты говоришь, что я никому не нужен? Почему ты говоришь, что Элина со мной из жалости? — Артём почувствовал, как голос дрогнул. — Это не помощь. Это… это больно.

Тишина. Долгая.

«Потому что если ты поверишь, что тебя любят — тебе будет больнее, когда тебя бросят. А я не хочу, чтобы тебе было больно».

Артём замер. Он не ожидал этого.

— Он… — он посмотрел на Элину. — Он говорит, что не хочет, чтобы мне было больно.

Элина кивнула.

— Вот видишь. Он не злой. Он просто… напуган. Как и ты.

Артём снова повернулся к пустому стулу.

— Слушай, — сказал он тихо. — Я понимаю. Ты хочешь, чтобы я выжил. Ты хочешь, чтобы мне не было больно. Но твой способ… он не работает. Здесь, в будущем. Здесь не нужно бояться. Здесь можно… расслабиться.

«Я не умею расслабляться».

— Я тоже, — сказал Артём. — Но я учусь. И ты можешь учиться вместе со мной.

Тишина. Потом — очень тихо:

«Ладно. Попробуем».

Артём открыл глаза. Он не заметил, когда закрыл их.

— Ну как? — спросила Элина.

— Странно, — сказал он. — Как будто… поговорил с собой. Только честнее.

— Это и есть работа с частями. — Элина улыбнулась. — Ты не изгоняешь критика. Ты его слушаешь. И договариваешься с ним. Он остаётся. Но теперь он не управляет тобой. Он просто… есть.

Артём помолчал.

— И что теперь?

— Теперь ты знаешь, что он не враг. Он часть тебя. И ты можешь с ним разговаривать. Когда он снова начнёт говорить «ты никому не нужен» — ты можешь ответить: «Спасибо, я понял. Но я попробую иначе».

— И это работает?

— Постепенно. — Элина пожала плечами. — Нейропластичность. Ты создаёшь новую связь. Новый способ реагировать на свой страх. Старая связь остаётся. Но новая становится сильнее.

Артём кивнул. Потом усмехнулся.

— Знаешь, что самое странное? Я чувствую себя… легче. Как будто я сбросил что-то.

— Это нормально. — Элина встала. — Ты перестал воевать с собой. Это утомляет. А теперь — не воюешь.

Глава 12. Родители Элины

Ночь. Квартира Элины

Они лежали в постели. Артём смотрел в потолок, который мягко светился в темноте. Элина лежала рядом, прижавшись к его плечу.

— Элина, — сказал он тихо.

— М?

— Ты никогда не рассказывала о своих родителях.

Она помолчала. Потом сказала:

— Не рассказывала.

— Почему?

— Не знаю. — Она повернулась на бок, посмотрела на него. — Не было повода. Или было страшно.

— Страшно?

— Да. — Она помолчала. — Когда я говорю о них, я… снова чувствую, что их нет. А я не люблю это чувство.

Артём взял её за руку.

— Расскажи. Если хочешь.

Элина долго молчала. Потом начала:

— Мои родители были учёными. Мать — биолог. Отец — инженер. Они работали здесь, в «Заре». Я выросла среди приборов и схем. Помню, как в шесть лет спросила отца: «Почему время идёт в одну сторону?» Он не отмахнулся. Он сел со мной и нарисовал схему. Я ничего не поняла. Но запомнила, что мой вопрос был важен.

Она улыбнулась.

— Они были… хорошими. Не идеальными. Мать была рассеянной. Вечно что-то теряла. Отец был упрямым. Не умел слушать. Но они видели меня. Спрашивали, что я думаю. Слушали ответы. Не смеялись над вопросами.

— Что случилось? — тихо спросил Артём.

— Авария. — Элина помолчала. — На производстве. Что-то с энергосистемой. Они погибли мгновенно. Мне было двадцать.

Артём сжал её руку.

— Мне жаль.

— Мне тоже. — Она усмехнулась. — Глупо, да? Прошло семь лет. А я всё ещё… — она замолчала.

— Что?

— Всё ещё жду, что они вернутся. — Элина сглотнула. — Я знаю, что это невозможно. Я физик. Я знаю законы. Но иногда… иногда я думаю: а вдруг? Вдруг есть какой-то способ? Вдруг время можно повернуть вспять?

Артём молчал. Он думал о бабушке. О том, как она говорила: «Ты только не бойся, Артёмка». О том, как он не плакал на похоронах.

— Я тоже, — сказал он тихо.

— Что?

— Жду. — Он повернулся к ней. — Бабушку. Она умерла, когда мне было шестнадцать. Я не плакал. Не потому, что не хотел. А потому, что не умел. И до сих пор… иногда думаю: а вдруг она где-то там? Вдруг она видит меня?

Элина посмотрела на него. В её глазах были слёзы.

— Ты никогда не говорил об этом.

— Ты тоже.

Они лежали в темноте, держась за руки. И молчали. Но это было не неловкое молчание. Это было молчание двух людей, которые наконец нашли того, кто их понимает.

— Знаешь, что самое странное? — сказала вдруг Элина.

— Что?

— Я всю жизнь изучаю время. Я знаю о нём всё. Но не могу вернуть их. Не могу даже… поговорить с ними. — Она помолчала. — А ты смог. Ты вернулся. Не к бабушке. Но… вернулся. В будущее. Это… несправедливо.

Артём помолчал.

— Может быть, — сказал он. — А может быть, это шанс. Для нас обоих.

— В смысле?

— Мы оба потеряли кого-то. И оба хотим вернуть. — Он повернулся к ней. — Может быть, мы не можем вернуть их. Но мы можем… не терять друг друга.

Элина посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты прав.

Она прижалась к нему. И впервые за долгое время — заснула спокойно. Без снов. Без страха.

Глава 13. Эпоха денег

Музей «Эпоха денег». На следующий день

Зал оказался меньше, чем Артём ожидал. Всего одна комната — но стены её были увешаны витринами, как в ювелирном магазине. За толстым стеклом, в мягком свете, лежали банкноты и монеты. Под каждой — табличка с датой и страной.

Артём подошёл к ближайшей витрине. Рубли. Старые, ещё советские, с Лениным. Рядом — российские, с двуглавым орлом. Дальше — доллары, евро, юани, иены.

— Ничего себе, — пробормотал он. — Как в музее древностей.

— Так и есть, — сказала Элина. — Последнюю банкноту напечатали в 2062 году. Последнюю монету отчеканили в 2068-м. А в 2071-м закрыли последний банк.

Артём наклонился ближе. В углу витрины лежала потрёпанная купюра — сторублёвка образца 1997 года.

— У меня такая была, — сказал он тихо. — В детстве. Бабушка давала на мороженое.

— А теперь она — экспонат, — сказала Элина. — Дети приходят сюда на экскурсии и спрашивают: «А что с ними делали?» Мы объясняем: люди обменивали их на еду, на одежду, на жильё. Дети не верят. Они думают, что это сказка.

Артём прошёл вдоль витрин. Вот — пластиковые карты. Вот — смартфоны с платёжными приложениями. Вот — пожелтевшие чеки и квитанции.

— А это что? — он указал на отдельную витрину, где под стеклом лежала одинокая монета — стёртая, почти гладкая.

— Это последняя монета, которая была в обращении, — сказала Элина. — Один рубль. Её сдали в музей в 2068 году. Добровольно. Как символ.

Артём посмотрел на неё. Потом снова на витрины.

— Странное чувство, — признался он. — В моё время деньги были… всем. Смыслом жизни. Мерой успеха. Способом выжить. А теперь они лежат за стеклом, и на них смотрят, как на динозавров.

— А у нас смысл жизни — это сама жизнь, — сказала Элина. — Когда не нужно бороться за выживание, ты наконец можешь заняться тем, для чего ты родился.

Артём отошёл от витрины.

— И ты не боишься, что я… ну, не смогу привыкнуть? Что я всё время буду думать о деньгах?

Элина покачала головой.

— Нейропластичность, Артём. Ты сможешь перестроиться. И потом… — она улыбнулась, — ты уже начал. Ты же не спросил, сколько стоит билет в музей.

Артём замер. И правда, не спросил. Даже не подумал.

— Вот видишь, — сказала Элина. — Всё происходит само.

Глава 14. Что вместо денег

Сектор распределения. Тот же день

Она привела его в большое светлое помещение, больше похожее на библиотеку, чем на склад. Вдоль стен стояли терминалы, за которыми люди что-то изучали, спорили, голосовали. На больших экранах мелькали графики и схемы.

— Это не магазин, — сказала Элина. — Это центр распределения редких благ. Здесь решают, кому достанется то, чего на всех не хватает.

Артём огляделся. У одного из терминалов двое мужчин оживлённо спорили. Один размахивал руками, другой качал головой.

— И как это работает? — спросил Артём.

— По-разному. — Она подвела его к одному из экранов. — Смотри. Вот, например, заявка на старинную книгу. Единственный экземпляр. Есть три желающих. Что делать?

— Ну… продать тому, кто больше заплатит?

— У нас нет денег. И нет «больше заплатит». Есть три человека, которые хотят книгу. Мы собираем совет — из них троих, из библиотекарей, из независимых экспертов. Они обсуждают: кому книга нужнее? Для чего? Для работы? Для коллекции? Для исследований?

— И кто решает?

— Совет. Голосованием. Иногда — лотерея. Иногда — очередь. Иногда — человек, который хочет книгу, получает её на время, а потом передаёт следующему.

Артём нахмурился.

— А если совет ошибается? Если книга достанется не тому?

— Тогда через год пересмотр. Или через два. Или по заявке. Система не идеальная. Но она прозрачная. Каждый может посмотреть, как приняли решение. И каждый может оспорить его.

Она подвела его к другому экрану.

— А вот — распределение жилья. В центре города, с видом на парк. Тоже редкое благо. Есть очередь. Но очередь не по деньгам, а по потребностям. Семьи с детьми — приоритет. Люди с инвалидностью — приоритет. Пожилые — приоритет. Остальные — по жребию или по вкладу.

— По вкладу?

— Ну, если ты двадцать лет проработал в школе или в больнице, или занимался наукой, или строил дома — ты получаешь приоритет. Это не деньги. Это… уважение.

Артём задумался.

— А кто решает, какой вклад больше? Учитель или врач? Учёный или строитель?

— Никто не решает «вообще». Решают в каждом конкретном случае. И всегда можно оспорить. Главное — прозрачность.

Он прошёлся по залу. Люди вокруг не выглядели озлобленными или обиженными. Они спорили, но спокойно. Голосовали. Заполняли какие-то формы на терминалах. Иногда смеялись.

— И это работает? — спросил он. — Без денег? Без рынка?

— Работает. Не идеально. Но работает. Потому что у людей нет страха. Когда ты знаешь, что у тебя есть жильё, еда, медицина, образование — ты не будешь убиваться за старинную книгу. Ты будешь рад, если её получишь. Но если не получишь — не умрёшь. И это меняет всё.

Артём помолчал.

— Знаешь, что самое странное? В моё время люди мечтали о справедливости. Но никто не верил, что это возможно. А у вас… вы просто взяли и сделали.

— Не сразу. И не без ошибок. Но сделали. Потому что не было выбора.

Глава 15. Решение

Три месяца спустя. Кухня Элины

Элина и её команда завершили расчёты. Обратный переход был возможен. Но была проблема.

— Энергии хватит только на одного человека, — сказала Элина, глядя в сторону. Они сидели на кухне, и в воздухе висело напряжение. — И есть риск. Ты можешь вернуться не в тот момент, из которого ушёл. Или… не вернуться вовсе.

Артём молчал. Он смотрел на неё и понимал, что не может представить свою жизнь без этой женщины.

— А если… — начал он, но осёкся.

— Что? — Элина подняла на него глаза, полные слёз.

— А если мы вернёмся вместе? — выпалил он. — Ты и я. В 2026-й.

Элина замерла.

— Это невозможно, — прошептала она. — Я — часть этого времени. Мой организм адаптирован к нанотехнологиям, к имплантам. В твоём мире я… я могу не выжить.

— Но ты сказала, что энергии хватит на одного. А если мы найдём способ увеличить мощность?

— Это займёт годы, Артём. А твоё присутствие здесь становится всё более опасным. Парадокс растёт. Ещё немного, и ты начнёшь… исчезать.

Артём посмотрел на свои руки. Они были слегка прозрачными. Он заметил это ещё неделю назад, но боялся сказать.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Я чувствую.

Элина встала и подошла к окну.

— Я не могу отпустить тебя, — сказала она, и голос её дрогнул. — Но и оставить здесь не могу. Ты умрёшь.

Артём подошёл к ней сзади и обнял.

— Тогда давай рискнём, — прошептал он. — Вдвоём. Мы найдём способ. Я не вернусь без тебя.

Элина повернулась к нему. В её глазах была решимость.

— Хорошо, — сказала она. — Мы сделаем это. Вместе.

Часть вторая. Тени

Глава 1. Совет по темпоральной этике

2126 год. Комплекс «Заря». Кабинет Элины. Утро

Артём сидел на подоконнике, жевал синтетическое яблоко и смотрел, как Элина что-то быстро печатает на планшете. Она была напряжена.

— Элина, — сказал он. — Ты уже полчаса молчишь. Что происходит?

Она оторвалась от экрана.

— К нам идёт Олег.

— Кто такой Олег?

— Начальник службы темпоральной безопасности. — Она помолчала. — Он из Совета по темпоральной этике. Они решают, кому можно перемещаться во времени, а кому нет. И что делать с теми, кто уже переместился.

Артём перестал жевать.

— И что им нужно?

— Тобой. — Элина отложила планшет. — Они узнали, что ты здесь. И они… — она замялась, — …недовольны.

— Недовольны? — Артём усмехнулся. — Я что, нарушил правила?

— Ты создал парадокс. — Элина встала. — Ты здесь уже полгода. Ты вмешиваешься в жизнь 2126 года. Ты работаешь. Ты… — она посмотрела на него, — …ты со мной. Они считают, что это недопустимо.

Артём нахмурился.

— И что они хотят сделать?

— Они хотят тебя изолировать. — Элина сглотнула. — Или отправить обратно. Принудительно. Без твоего согласия.

Артём замер.

— А ты?

— Я против. — Она подошла к нему. — Я не позволю. Но Олег… он не простой. Он умеет убеждать. Или заставлять. Или… — она замялась, — …устранять.

Артём посмотрел на неё.

— Устранять?

— Не физически. — Она покачала головой. — Он не убивает. Он стирает. Через нейротехнологии. Может переписать память. Может изменить личность. Может сделать так, что ты забудешь всё. И всех. И меня.

Артём почувствовал, как что-то сжалось внутри.

— И он это делал?

— Делал. — Элина кивнула. — Несколько раз. С теми, кто нарушал правила. С теми, кто создавал парадоксы. С теми, кто… — она помолчала, — …не вписывался.

Артём отложил яблоко.

— Когда он придёт?

— Через час.

Час спустя. Кабинет Элины

Олег вошёл без стука. Высокий, худой, с идеальной осанкой и глазами, которые не мигали. Он был одет в строгий комбинезон без единого цветного пятна — серый, как его лицо.

— Элина. — Он кивнул ей. Потом посмотрел на Артёма. — Объект 734-А.

— Меня зовут Артём. — Артём встал. — И я не объект.

— Пока объект. — Олег сел напротив. — Совет по темпоральной этике рассмотрел ваше дело. Вы находитесь в этом времени незаконно. Вы создаёте парадокс. Вы вмешиваетесь в жизнь общества. Вы… — он помолчал, — …вступили в связь с гражданкой Соколовой. Это недопустимо.

Артём посмотрел на Элину. Она стояла у окна, скрестив руки. Молчала.

— И что вы хотите? — спросил Артём.

— Мы хотим, чтобы вы вернулись. — Олег положил на стол планшет. — Добровольно. С помощью «Хроноса-2». Мы дадим вам энергию. Мы дадим вам расчёты. Мы даже дадим вам… — он усмехнулся, — …сопровождение. Чтобы вы не заблудились.

— А если я откажусь?

— Тогда мы будем вынуждены применить силу. — Олег посмотрел на него. — Мы не хотим этого. Но парадокс растёт. Ещё немного — и вы начнёте влиять на события. На людей. На историю. Мы не можем это допустить.

Артём помолчал.

— А если я вернусь… что будет с Элиной?

— Ничего. — Олег пожал плечами. — Она продолжит свою работу. Забудет вас. Через нейротехнологии. И будет жить дальше. Как будто вас не было.

Артём посмотрел на Элину. Она отвернулась.

— Нет, — сказал он.

— Что — нет?

— Я не вернусь. И я не позволю стереть себя из её памяти. — Артём шагнул к Олегу. — Я останусь здесь. С ней. И вы ничего не сделаете.

Олег посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся. Холодно.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Хорошо. — Олег встал. — Тогда у меня для вас… — он помолчал, — …другое предложение.

Глава 2. Другое предложение

— Что вы имеете в виду? — спросила Элина, отступая от окна.

Олег повернулся к ней.

— Я имею в виду, что Совет не всегда действует через силу. Иногда — через сотрудничество. — Он снова сел. — Артём Волков — уникальный случай. Человек из прошлого, который адаптировался. Который работает. Который… — он посмотрел на Артёма, — …не разрушает. А строит.

Артём нахмурился.

— И?

— И мы хотим предложить вам работу. — Олег положил на стол второй планшет. — В Совете. В отделе темпоральных исследований. Вы будете помогать нам… — он замялся, — … понимать прошлое. То, как оно влияет на настоящее. То, как его можно использовать. Не для изменения. Для понимания.

Артём посмотрел на планшет. Потом на Элину. Она выглядела растерянной.

— А если я откажусь?

— Тогда мы вернёмся к первому предложению. — Олег пожал плечами. — Изоляция. Или стирание. Выбор за вами.

Артём молчал. Он думал о бабушке. О том, как она говорила: «Ты только не бойся, Артёмка». О том, как он не плакал на похоронах. О том, как он боялся всю жизнь. И о том, как он перестал бояться — здесь, с Элиной.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен.

Элина посмотрела на него.

— Артём…

— Не сейчас. — Он повернулся к Олегу. — Но у меня есть условие.

— Какой?

— Элина остаётся со мной. Не как «гражданка Соколова». Как… — он замялся, — … как человек, который мне дорог. Вы не стираете её память. Вы не трогаете её. И вы не трогаете меня. Иначе — я найду способ вернуться. И не один. А с доказательствами. О том, что вы делаете. О том, как вы стираете людей. О том, как вы боитесь.

Олег посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся — на этот раз почти искренне.

— Вы смелый человек, Артём Волков. — Он встал. — Хорошо. Я согласен. Но помните: я буду следить. И если вы нарушите условия — я не буду церемониться.

Он вышел. Дверь закрылась.

Элина бросилась к Артёму.

— Ты сошёл с ума? — прошептала она. — Ты только что… ты только что заключил сделку с Советом. С Олегом. С человеком, который стирает людей.

— Я знаю. — Артём обнял её. — Но это единственный способ остаться. И сохранить тебя.

— А если он обманет?

— Тогда мы найдём способ. — Он посмотрел на неё. — Вместе. Как всегда.

Она прижалась к нему.

— Ты изменился.

— В смысле?

— В 2026-м ты бы испугался. Ушёл. Или сдался. А сейчас… — она улыбнулась, — … сейчас ты борешься. Не за себя. За нас.

Артём поцеловал её в макушку.

— Это ты меня научила. Нейропластичность. Помнишь?

Она засмеялась.

— Помню.

Глава 3. Человек, который стирал

2126 год. Комплекс «Заря». Кабинет Олега. Три дня спустя

Артём вошёл в кабинет Олега один. Элина ждала в коридоре.

Олег сидел за столом. Перед ним лежала стопка планшетов — старых, потрёпанных.

— Садитесь, — сказал он.

Артём сел. Олег молчал. Долго. Потом отложил планшет и посмотрел на него.

— Вы хотите знать, почему я такой, — сказал он. Это был не вопрос.

— Хочу.

Олег помолчал. Потом сказал:

— Я был как вы. Когда-то. Молодой. Глупый. Влюблённый.

Артём ждал.

— Её звали Ника. — Олег произнёс это имя так, как произносят что-то очень старое и очень дорогое. — Она была физиком. Как Элина. Только не темпоральным — квантовым. Она изучала элементарные частицы. Говорила, что время — это просто иллюзия. Что всё уже случилось. Что мы просто не видим целого.

— И что случилось?

— Она создала парадокс. — Олег помолчал. — Не специально. Случайно. Она работала над экспериментом. Что-то пошло не так. И она… — он замолчал.

Артём ждал.

— Она исчезла. — Олег посмотрел на него. — Не умерла. Не погибла. Исчезла. Как будто её никогда не было. В документах — пробел. В памяти — дыра. Даже фотографии — и те стёрлись. Как будто кто-то взял ластик и вычеркнул её из мира.

Артём почувствовал, как что-то сжалось внутри.

— И вы?

— Я пытался её вернуть. — Олег усмехнулся. — Годами. Я был молодым специалистом. Я думал, что смогу. Что найду способ. Что обману систему. Но система не обманывается. Она… — он замялся, — …она стирает. Не только людей. Но и память о них. И я… — он сглотнул, — …я забыл её. Не сразу. Постепенно. Сначала — голос. Потом — лицо. Потом — имя. А потом — всё.

— Но вы помните сейчас?

— Помню. — Олег кивнул. — Потому что я записал. Всё. Каждую мелочь. Как она смеялась. Как хмурилась. Как говорила: «Время — это иллюзия». Я записал это на бумаге. Настоящей бумаге. Спрятал. И когда система попыталась стереть её из моей памяти — я прочитал. И вспомнил. Снова. И снова. Каждый день. Как прививку.

Артём молчал.

— И тогда я понял, — сказал Олег. — Что нельзя позволять людям создавать парадоксы. Не потому, что это опасно для времени. А потому, что это опасно для них. Для тех, кто рядом. Для тех, кто любит. — Он посмотрел на Артёма. — Я не хотел стать тем, кем стал. Я хотел защитить. Но защита… — он помолчал, — …защита превратилась в контроль. А контроль — в стирание.

— И вы не жалеете?

— Жалею. — Олег откинулся на спинку. — Каждый день. Но я не знаю, как иначе. Если я не буду стирать — кто-то потеряет кого-то. Как я потерял Нику. Как вы могли потерять Элину. Как Элина могла потерять вас. — Он помолчал. — Я не злодей, Артём. Я просто человек, который слишком хорошо знает, что бывает, когда всё идёт не так.

Артём посмотрел на него. Долго.

— А если бы вы могли вернуть её? — спросил он тихо. — Нику. Если бы был способ. Вы бы вернули?

Олег замер. В его глазах что-то дрогнуло — впервые за всё время.

— Не знаю, — сказал он честно. — Раньше я бы сказал «да». Не думая. Просто вернул бы. А сейчас… — он помолчал, — …сейчас я думаю: а что, если бы она не захотела? Что, если бы она сказала: «Я не хочу возвращаться. Я хочу, чтобы ты жил дальше. Без меня». Что тогда?

Артём не ответил.

— Вот и я не знаю, — сказал Олег. — Поэтому я не возвращаю. Не потому, что не могу. А потому, что не уверен, что это правильно. — Он посмотрел на Артёма. — А вы? Вы уверены? Что Элина хочет, чтобы вы остались? Что она не пожалеет? Что вы не станете для неё… — он замялся, — …обузой?

Артём встал.

— Она сказала мне, что видит меня. По-настоящему. — Он помолчал. — А вы? Вы видели Нику? По-настоящему?

Олег замер. Потом сказал:

— Видел. Однажды. Она стояла у окна. Смотрела на дождь. И говорила: «Время — это иллюзия. Но любовь — нет. Любовь — это единственное, что реально». — Он помолчал. — Я запомнил. Записал. И храню. Как прививку.

Артём кивнул.

— Тогда вы понимаете.

— Понимаю. — Олег посмотрел на него. — Но это не значит, что я изменю решение. Вы остаётесь под наблюдением. Вы работаете на Совет. Вы не создаёте парадоксов. Иначе… — он помолчал, — …иначе я буду вынужден стереть вас. Не потому, что я злой. А потому, что я видел, что бывает, когда всё идёт не так. И я не хочу, чтобы это случилось с Элиной.

Артём посмотрел на него. И вдруг понял: Олег не враг. Он — тот, кто боится. Как Жюстина. Как Равик. Как все, кто потерял и боится потерять снова.

— Я не создам парадокса, — сказал Артём. — Я останусь. С Элиной. И буду работать. Но не потому, что вы заставили. А потому, что я хочу. Хочу быть здесь. С ней. В этом мире. — Он помолчал. — И если вы попытаетесь стереть меня — я буду бороться. Не потому, что я смелый. А потому, что я люблю. Как вы любили Нику.

Олег долго молчал. Потом сказал:

— Надеюсь, вы не пожалеете.

— Я тоже.

Артём вышел. Элина ждала в коридоре.

— Ну что?

— Всё нормально. — Он обнял её. — Он не будет нас трогать. Пока.

— А потом?

— Потом — будем решать. Вместе.

Глава 4. Разговор в темноте

2126 год. Комплекс «Заря». Коридор у лаборатории. Поздний вечер

Элина возвращалась из лаборатории одна. Артём остался в секторе распределения. Она шла по длинному пустому коридору, освещённому только мягкими полосами света вдоль стен.

Она почти дошла до поворота, когда свет в конце коридора погас.

— Не бойтесь, — раздался голос из темноты. — Это не поломка.

Олег вышел из тени у стены.

— Что вам нужно? — Элина не отступила. Голос её был твёрдым, но пальцы сжались в кулаки.

— Поговорить. — Олег сделал шаг вперёд. — Без Артёма. Без свидетелей.

— У нас не о чем говорить.

— Ошибаетесь. — Он подошёл ближе. — Вы думаете, что я угрожаю только ему. Это не так.

Элина молчала.

— Я не хочу стирать ни его, ни вас, — сказал Олег. — Но я буду. Если придётся.

— Это шантаж?

— Это предупреждение. — Он помолчал. — Вы — талантливый физик, Элина. Один из лучших в комплексе. Но вы нарушаете правила. Вы привязались к объекту. Вы рискуете всем — работой, репутацией, будущим — ради человека, который здесь не должен быть.

— Он не «объект». — Элина шагнула к нему. — Его зовут Артём. И он человек.

— Человек из прошлого. — Олег кивнул. — Я знаю. Я видел таких. Один из них когда-то был мной.

Элина замерла.

— Что вы имеете в виду?

Олег помолчал. Потом сказал:

— Я не всегда был таким. Когда-то я тоже любил. Её звали Ника. Она была физиком. Как вы. — Он говорил тихо, почти шёпотом. — Она создала парадокс. Случайно. И исчезла. Не умерла — стёрлась. Как будто её никогда не было.

Элина слушала. Не перебивала.

— Я пытался её вернуть. Годами. Но система стёрла её из моей памяти. Сначала голос. Потом лицо. Потом имя. Я записал всё на бумаге. Спрятал. И каждый день читаю — как прививку. Чтобы помнить. — Он посмотрел на неё. — Я не хочу, чтобы вы стали второй Никой. Не хочу, чтобы Артём стал мной. Поэтому я и пришёл.

— Вы пришли, чтобы угрожать.

— Я пришёл, чтобы предложить выбор. — Олег подошёл ещё ближе. — Или вы убеждаете Артёма подчиниться. Работать на Совет. Не создавать парадоксов. Не вмешиваться. Или… — он помолчал, — …я сотру одного из вас. Не убью. Просто сотру. Чтобы спасти другого.

Элина почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Вы не сделаете этого.

— Сделаю. — Олег смотрел ей прямо в глаза. — Потому что я видел, что бывает, когда всё идёт не так. И я не хочу, чтобы это случилось с вами. С ним. С кем-то ещё.

Она молчала. Долго. Потом сказала:

— А если я скажу Артёму?

— Скажите. — Олег пожал плечами. — Но тогда я буду вынужден действовать быстрее. И жёстче. — Он помолчал. — Вы думаете, что я злодей. Но я не злодей. Я просто человек, который слишком хорошо знает, что бывает, когда люди любят друг друга слишком сильно. И теряют. И не могут вернуть.

Он отступил на шаг.

— У вас есть время до завтра. Поговорите с ним. Убедите его. Или… — он замялся, — …или готовьтесь к тому, что я сделаю то, что должен.

Он повернулся и пошёл прочь. Свет в конце коридора снова загорелся — как будто ничего и не было.

Элина стояла одна. Сердце колотилось. Руки дрожали. Но она не плакала. Не кричала. Не бежала за ним.

Она думала.

Квартира Элины. Час спустя

Артём вернулся. Он что-то говорил про расчёты, про распределение. Он замолчал, когда увидел её лицо.

— Что случилось?

Элина сидела на диване. Бледная. С прямой спиной.

— Олег приходил. — Она посмотрела на него. — Он угрожал. Не мне. Нам.

Артём сел рядом.

— Что он сказал?

Она рассказала. Всё. Про Нику. Про выбор. Про угрозу стереть одного из них.

Артём слушал молча. Потом сказал:

— Он блефует.

— Нет. — Элина покачала головой. — Я видела его глаза. Он не блефует. Он… — она замялась, — …он как Жюстина. Только не терпит. Он стирает. Чтобы не было больно. Но больно всё равно. Потому что он помнит. Каждый день. Как прививку.

Артём взял её за руку.

— И что мы будем делать?

Элина посмотрела на него. Долго.

— Не знаю. — Она сжала его пальцы. — Но я не хочу, чтобы он стёр тебя. Или меня. Или нас.

— Тогда давай найдём способ. — Артём придвинулся ближе. — Вместе. Как всегда.

Она прижалась к нему.

— А если не найдём?

— Тогда будем бороться. — Он поцеловал её в макушку. — Не потому, что мы смелые. А потому, что мы любим. Как он любил Нику. Как мы любим друг друга.

Элина закрыла глаза. И впервые за весь вечер — позволила себе заплакать.

Глава 5. После

Ночь. Квартира Элины. Спальня

Они лежали рядом. Влажные, уставшие. Элина положила голову ему на грудь. Артём гладил её волосы.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она.

— Что?

— Я только что думала об Олеге. — Она помолчала. — Не о том, что он сказал. А о том, как он это сказал. Как будто он не угрожал. Как будто он предупреждал.

Артём перестал гладить её волосы.

— Он и предупреждал. Просто предупреждение было с угрозой.

— Да. — Элина приподнялась на локте. — Но он не врёт. Он действительно верит, что делает это ради нас. Ради того, чтобы мы не стали Никой и им.

Артём помолчал.

— Он рассказал тебе о Нике?

— Рассказал. — Она кивнула. — И знаешь, что я подумала? Он не злодей. Он просто человек, который потерял кого-то. И боится, что это случится снова. С кем-то другим. С нами.

Артём посмотрел на неё.

— И что? Мы должны его пожалеть?

— Нет. — Элина покачала головой. — Но мы должны его понять. Потому что если мы не поймём — мы не сможем бороться. Мы будем просто злиться. А злость не помогает. Она делает нас слабее.

Артём задумался.

— Ты права. — Он помолчал. — Но как бороться с человеком, который стирает людей? Который может стереть нас?

Элина села на кровати.

— Нам нужно найти способ. — Она посмотрела на него. — Не силой. Не злостью. А чем-то другим.

— Чем?

— Не знаю. — Она честно пожала плечами. — Но у нас есть время. До завтра. И у нас есть мы. Это уже много.

Артём сел рядом.

— У нас есть ещё кое-что, — сказал он.

— Что?

— Твоя работа. Твои знания. Твой доступ к системе. — Он посмотрел на неё. — Олег стирает людей через нейротехнологии. Но ты — физик. Ты знаешь, как работают нейросети. Ты можешь найти способ защитить нас.

Элина задумалась.

— Может быть. — Она помолчала. — Но это опасно. Если Олег узнает, что я работаю против него…

— Он уже знает, что мы против него. — Артём взял её за руку. — Вопрос в том, что мы будем делать. Сдаваться? Или бороться?

Элина посмотрела на него. Долго.

— Бороться, — сказала она. — Но не так, как он. Не через стирание. Не через страх. А через… — она замялась, — …через правду.

— Какую правду?

— О том, что он делал. О том, что он стирал людей. Не только Нику. Других. — Она помолчала. — Если мы найдём доказательства и покажем Совету — может быть, его остановят. Может быть, его самого… — она сглотнула, — …сотрут.

Артём замер.

— Ты хочешь, чтобы его стёрли?

— Нет. — Элина покачала головой. — Я не хочу, чтобы кого-то стирали. Даже его. Но я хочу, чтобы он остановился. Чтобы он перестал играть в Бога. Чтобы он понял, что люди — это не парадоксы. Это люди.

Артём помолчал.

— А если его не остановят?

— Тогда мы найдём другой способ. — Она сжала его руку. — Но мы не сдадимся. Не потому, что мы смелые. А потому, что мы любим. Как он любил Нику. Как мы любим друг друга.

Артём поцеловал её в макушку.

— Знаешь, что я думаю?

— Что?

— Мы не должны бороться с ним в одиночку. — Он посмотрел на неё. — У нас есть союзники. Марк. Виктор. Может быть, кто-то ещё в Совете. Кто-то, кто тоже не согласен с Олегом. Кто-то, кто боится его. Но не хочет молчать.

Элина кивнула.

— Марк и Виктор. Они оба проходили через нейротренинг. Они знают, что такое стирание. И они обязаны тебе. И мне. — Она помолчала. — Мы можем поговорить с ними. Завтра. До того, как Олег придёт за ответом.

Артём встал.

— Тогда давай не будем терять время. — Он протянул ей руку. — Пойдём. Найдём их.

Элина взяла его за руку. И улыбнулась.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я только что думала, что мы можем проиграть. Что Олег сильнее. Что Совет сильнее. Что мы — просто два человека. — Она помолчала. — А потом ты сказал: «Пойдём. Найдём их». И я поняла: мы не просто два человека. Мы — часть чего-то большего. Мы — те, кто видит. Те, кто помнит. Те, кто не боится.

Артём улыбнулся.

— Как бабушка говорила?

— Как бабушка говорила. — Элина кивнула. — «Ты только не бойся, Артёмка».

Они вышли из спальни. На улице светило искусственное солнце. Город 2126 года жил своей жизнью. Где-то далеко, в Совете, Олег готовился к завтрашнему разговору. А здесь, в маленькой квартире на краю комплекса, два человека держались за руки и шли вперёд. Не потому, что были смелыми. А потому, что любили. И потому, что не собирались сдаваться.

Глава 6. План

Ночь. Квартира Элины. Кухня

Артём сидел за столом, листал планшет. Элина стояла у окна.

— Итак, — сказал Артём. — Нам нужны доказательства. Что Олег стирал людей. Не только Нику. Других. Где их искать?

— В архиве Совета. Там хранятся все записи о темпоральных аномалиях. И о тех, кто их создавал. И о том, что с ними делали. — Она помолчала. — Но доступ к архиву закрыт. Только Олег и его команда могут туда войти.

— А ты?

— Я — физик. Не член Совета. У меня нет доступа. — Она села напротив. — Но есть один способ.

— Какой?

— Старый терминал. В лаборатории темпоральной физики. Он подключён к архиву. Не напрямую — через резервный канал. — Она замялась. — Я могу попробовать взломать.

Артём поднял бровь.

— Ты умеешь взламывать?

— Я физик. Я работаю с системами. — Она пожала плечами. — Это не взлом в вашем смысле. Это… обход. Через уязвимость в протоколе. Я знаю, где она.

— И ты сможешь найти доказательства?

— Могу. — Элина кивнула. — Но есть проблема. Если Олег узнает, что я в архиве, он поймёт, что мы что-то ищем. И тогда… — она помолчала, — …тогда он не будет ждать до завтра. Он придёт сегодня.

Артём задумался.

— А если мы сделаем это не из лаборатории? А из другого места? Где он не ждёт?

— Где? — Элина подняла бровь. — У нас нет другого доступа.

— У нас есть Марк и Виктор. — Артём подался вперёд. — Марк работает в распределительном центре. У него есть доступ к старым терминалам. Виктор — в научном отделе. У него есть доступ к архивам. Они могут помочь.

Элина помолчала.

— Они могут испугаться. Олег — не тот, с кем хочется связываться.

— Они обязаны нам. — Артём посмотрел на неё. — Ты научила Марка не бояться. Ты научила Виктора видеть других. Они не забыли. Они не такие, как Олег. Они хотят жить. А не существовать.

Элина кивнула.

— Хорошо. — Она встала. — Тогда давай не будем терять время. Найдём их.

Час спустя. Квартира Марка

Марк открыл дверь. Он выглядел уставшим.

— Что случилось?

— Нам нужна твоя помощь, — сказала Элина. — Это важно.

Марк впустил их. Они сели на кухне. Элина рассказала всё: про Олега, про угрозу, про архив.

Марк слушал молча. Потом сказал:

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе взломать архив Совета?

— Не взломать. Открыть. Через старый терминал. У тебя есть доступ.

— У меня есть доступ к распределению. Не к архиву.

— Терминал в распределительном центре подключён к общей сети. — Элина подалась вперёд. — Ты можешь использовать его как мост. Я дам тебе код. Ты введёшь его. И архив откроется.

Марк помолчал.

— А если Олег узнает?

— Он узнает, если мы не успеем. — Элина посмотрела на него. — Марк, ты помнишь, что я тебе говорила? Про страх? Про то, что можно бояться — и всё равно делать?

Марк кивнул.

— Помню.

— Тогда сделай это. Не для меня. Для себя. Потому что если Олег победит — он будет стирать всех. Тех, кто боится. Тех, кто не согласен. Тех, кто хочет жить. — Она помолчала. — А ты хочешь жить. Я знаю.

Марк долго молчал. Потом сказал:

— Хорошо. Я сделаю.

Квартира Виктора

Виктор открыл дверь. Он был в халате, с чашкой чая в руке.

— Что происходит?

— Нам нужна твоя помощь, — сказала Элина. — Это важно.

Они сели в гостиной. Элина рассказала всё. Виктор слушал молча. Потом сказал:

— Ты хочешь, чтобы я нашёл записи о стираниях? В научном архиве?

— Да. — Элина кивнула. — Ты работаешь в научном отделе. У тебя есть доступ к старым документам. К тем, которые не оцифрованы. Которые лежат на бумаге. В подвале.

Виктор помолчал.

— Я знаю, где они. Но я никогда не думал, что буду их искать. — Он усмехнулся. — Всю жизнь я хотел быть правым. А теперь мне предлагают быть… — он замялся, — …хорошим.

— Это не про «хорошо» или «плохо», — сказала Элина. — Это про то, чтобы не быть как Олег. Про то, чтобы видеть других. Помнишь? Ты научился.

Виктор посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Помню. — Он встал. — Хорошо. Я помогу. Но не потому, что я хороший. А потому, что я не хочу быть как он. Как человек, который стирает других. Чтобы не было больно. Больно всё равно.

Элина улыбнулась.

— Спасибо.

Квартира Элины. Поздняя ночь

Артём и Элина сидели на диване. План был готов. Марк откроет архив через терминал в распределительном центре. Виктор найдёт бумажные записи в подвале научного отдела. Элина обработает данные. Артём будет координировать.

— Знаешь, что самое странное? — сказала Элина.

— Что?

— Мы собираемся бороться с Советом. С Олегом. С системой. — Она помолчала. — А я чувствую не страх. А… — она замялась, — …надежду.

Артём взял её за руку.

— Это потому, что мы не одни. У нас есть Марк. Виктор. Бабушка. Равик. Все, кто видит. Все, кто помнит. Все, кто не боится.

Элина посмотрела на него.

— Ты веришь в это?

— Верю. — Он кивнул. — Потому что ты научила. Нейропластичность. Помнишь?

Она улыбнулась.

— Помню.

Они сидели на диване, держась за руки. За окном светило искусственное солнце. Где-то далеко, в Совете, Олег готовился к завтрашнему разговору. А здесь, в маленькой квартире на краю комплекса, два человека готовились бороться. Не потому, что были смелыми. А потому, что любили. И потому, что не собирались сдаваться.

На Следующий день Элина пришла одна. Артём ждал в коридоре.

Олег сидел за столом. Перед ним лежала стопка планшетов — те самые, старые, с потрескавшимися экранами. Он не поднял глаз, когда она вошла.

— Садитесь, Элина.

Она села. Олег молчал. Долго. Потом отложил планшет и посмотрел на неё.

— Вы пришли, чтобы сказать, что убедили его? — спросил он.

— Нет. — Элина покачала головой. — Я пришла, чтобы сказать, что мы не сдадимся.

Олег усмехнулся. Холодно.

— Я так и думал.

— Тогда зачем вы ждали? — Элина подалась вперёд. — Вы могли стереть нас прошлой ночью. Пока мы спали. Но вы не стерли. Почему?

Олег помолчал. Потом сказал:

— Потому что я не хотел.

— Не хотели?

— Не хотел. — Он встал, подошёл к окну. — Я не хотел стирать вас. Ни его. Ни вас. Особенно вас.

Элина замерла.

— Что вы имеете в виду?

Олег обернулся. В его глазах было что-то, чего она раньше не видела. Не холод. Не расчёт. Что-то другое. Что-то… живое.

— Я влюблён в вас, Элина, — сказал он тихо. — Так же, как он. Может быть, сильнее.

Элина почувствовала, как что-то сжалось внутри.

— Вы… — она замялась, — …вы шутите?

— Нет. — Олег покачал головой. — Я не шучу. Я никогда не шучу.

Он вернулся к столу, сел напротив.

— Я знаю, что это неправильно. Я знаю, что вы любите его. Я знаю, что я — тот, кто угрожал вам. Но я не могу ничего с собой сделать. — Он помолчал. — Я вижу в вас её. Нику. Не внешне. Не в словах. В том, как вы смотрите. Как думаете. Как боитесь — и всё равно идёте. Как она.

Элина молчала.

— Я не хочу стирать вас, — сказал Олег. — Я хочу… — он замялся, — …я хочу, чтобы вы были счастливы. С ним. Если это то, что вам нужно. Но я также хочу, чтобы вы знали: я рядом. Я всегда рядом. И если он когда-нибудь… — он помолчал, — …если он не сможет быть тем, кто вам нужен, — я смогу.

Элина посмотрела на него. Долго.

— Вы понимаете, что это… — она замялась, — …это ненормально? Вы угрожали нам. Вы шантажировали нас. Вы стирали людей. А теперь говорите, что влюблены?

— Понимаю. — Олег кивнул. — И я не прошу вас отвечать мне взаимностью. Я не прошу вас бросать его. Я просто… — он сглотнул, — …я просто хотел, чтобы вы знали. Чтобы вы понимали, почему я делаю то, что делаю. Не потому, что я злодей. А потому, что я боюсь. Боюсь потерять ещё кого-то. Как потерял её.

Элина встала.

— Мне нужно идти.

— Элина. — Олег тоже встал. — Подождите.

Она остановилась.

— Что?

— Я не буду вас стирать. — Он посмотрел на неё. — Ни вас, ни его. Я обещаю.

— Почему?

— Потому что я люблю вас. — Он помолчал. — А любовь… — он замялся, — …любовь не стирает. Любовь помнит.

Элина посмотрела на него. В его глазах были слёзы. Она никогда не видела его таким.

— Я не знаю, что сказать, — прошептала она.

— Ничего не говорите. — Олег покачал головой. — Просто… — он помолчал, — … просто будьте счастливы. С ним. Если сможете. А я… — он усмехнулся, — …я буду рядом. Как тень. Как напоминание. Как человек, который любил и потерял. И не хочет, чтобы это случилось снова.

Элина вышла из кабинета. Артём ждал в коридоре.

— Ну что?

— Он… — она замялась, — …он не будет нас стирать. Он обещал.

— Почему?

Элина посмотрела на него. Долго.

— Потому что он влюблён в меня.

Артём замер.

— Что?

— Он сказал, что любит меня. Как ты. Может быть, сильнее. — Она помолчала. — Он сказал, что не хочет стирать нас. Потому что любовь не стирает. Любовь помнит.

Артём молчал. Он не знал, что сказать.

— Ты… — начал он, но осёкся.

— Я не знаю, что чувствую, — сказала Элина честно. — Я не люблю его. Я люблю тебя. Но… — она замялась, — …я вижу в нём человека. Не злодея. Не монстра. Человека, который потерял кого-то. И боится потерять снова.

Артём взял её за руку.

— Я понимаю.

— Понимаешь?

— Понимаю. — Он кивнул. — Потому что я был таким. Как он. В 2026-м. Я боялся. Я закрывался. Я не видел других. А потом ты… — он посмотрел на неё, — …ты научила меня видеть. Может быть, мы сможем научить и его.

Элина улыбнулась.

— Может быть.

Через несколько минут Элина стояла у двери. Рука на ручке. Она уже собиралась уйти.

— Элина, — сказал Олег.

Она обернулась.

Он стоял очень близко. В его глазах было что-то отчаянное.

— Подождите, — прошептал он. — Пожалуйста.

— Я не могу, — сказала она. — Я не…

Он шагнул вперёд. И прежде чем она успела отстраниться, его губы коснулись её губ.

Поцелуй был не грубым. Нежным. Почти робким. Как будто он просил, а не требовал.

Элина замерла. На одно мгновение — одно-единственное — она почувствовала что-то. Не любовь. Не желание. Что-то другое. Жалость? Нет. Не жалость. Что-то более сложное. Она видела его — настоящего. Не злодея. Не монстра. Человека, который потерял всё и боится потерять снова.

А потом она отстранилась.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я не Ника. И я не твоя.

Олег замер. Его руки опустились. Он смотрел на неё — и в его глазах что-то рушилось. Не злость. Не обида. Что-то хуже. Осознание.

— Я… — он сглотнул. — Прости. Я не должен был.

— Не должен, — согласилась она. — Но ты сделал.

Он отступил на шаг. Потом ещё на шаг. Опустился на стул. Ссутулился. Как будто из него вышел воздух.

— Я думал… — он замолчал. — Я думал, что если я люблю тебя, то это… правильно. Что это оправдывает всё. Что если я чувствую — значит, можно.

— Нельзя, — сказала Элина. — Любовь — это не разрешение. Любовь — это не «можно всё». Любовь — это границы. Которые ты уважаешь. Даже если тебе больно. Даже если ты хочешь большего.

Олег молчал. Долго. Потом сказал:

— Я не умею.

— Чему?

— Уважать границы. — Он поднял на неё глаза. — Я не умею. Я привык стирать. Привык контролировать. Привык, что если что-то идёт не так — я могу это исправить. Стереть. Убрать. А тут… — он замялся, — …тут я не могу. Ты не парадокс. Ты не ошибка. Ты — человек. И я… — он сглотнул, — …я не знаю, как любить человека. Я знаю, как любить память. Как любить образ. Как любить то, чего уже нет. А тебя — не знаю.

Элина посмотрела на него. И вдруг поняла: он не злодей. Он — сломанный. Как Жюстина. Как Равик. Как все, кто потерял и не смог восстановиться.

— Олег, — сказала она тихо.

Он поднял на неё глаза.

— Я не могу ответить тебе взаимностью. Не потому, что ты плохой. А потому, что я люблю другого. — Она помолчала. — Но я могу помочь тебе. Если ты хочешь.

— Как?

— Научиться видеть. Не стирать. Не контролировать. А видеть. — Она села напротив него. — Ты говорил, что я похожа на Нику. Но я не она. И ты это знаешь. Просто боишься признать. Потому что если признаешь — придётся отпустить. А отпускать больно.

Олег молчал. Потом сказал:

— Я не хочу отпускать.

— Знаю. — Элина кивнула. — Но иногда отпустить — это единственный способ сохранить. Не память. Не образ. А себя. Своё человеческое.

Олег долго смотрел на неё. Потом сказал:

— Ты права. — Он вздохнул. — Я не умею. Но я… — он замялся, — …я попробую. Не ради тебя. Ради себя. Ради той части, которая ещё помнит, что значит быть человеком.

Элина встала.

— Хорошо. — Она пошла к двери. Потом обернулась. — Олег.

— Да?

— Ты не Ника. И я не она. Но ты можешь быть собой. Если захочешь.

Она вышла. Олег остался один. В кабинете, с планшетами, с памятью, с собой.

Впервые за долгое время — он не чувствовал холода. Он чувствовал боль. Но боль — это тоже жизнь. А жизнь — это не стирание. Это принятие.

Глава 7. Признание

2126 год. Квартира Элины. Вечер

Артём вернулся из сектора распределения. Элина сидела на диване. Не читала. Не работала. Просто сидела, смотрела в стену. Он сразу понял: что-то случилось.

— Элина? — Он сел рядом. — Что происходит?

Она повернулась к нему. В её глазах было что-то, чего он раньше не видел. Страх. Вину. И что-то ещё.

— Артём, — сказала она тихо. — Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Говори.

Она помолчала. Долго. Потом сказала:

— Я изменила тебе. С Олегом.

Артём замер. Он не пошевелился. Не закричал. Не встал. Просто смотрел на неё.

— Что?

— Я изменила. — Она сглотнула. — С Олегом. После того, как он признался мне. После того, как он сказал, что любит меня. Я… — она замялась, — …я пожалела его. Он был такой… сломанный. Такой одинокий. И я подумала: может быть, если я дам ему что-то, он перестанет быть таким. Может быть, если я буду с ним, он отпустит.

Артём молчал.

— Это было ошибкой, — сказала она. — Я знаю. Я не должна была. Но я… — она замолчала. — Я не знаю, как это объяснить.

Артём встал. Подошёл к окну. Стоял, смотрел на город.

— Ты хочешь сказать, — сказал он медленно, — что ты переспала с человеком, который угрожал нас стереть. Который шантажировал нас. Который стирал людей. Потому что тебе его пожалела?

— Да. — Элина не отвела глаз. — Я знаю, как это звучит.

— Как это звучит? — Артём повернулся. — Это звучит как безумие. Как предательство. Как… — он замолчал. Сжал кулаки. — Ты понимаешь, что ты сделала?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь. — Он подошёл к ней. — Я не про секс. Секс — это ладно. Мы не собственность друг друга. Но ты сделала это с ним. С человеком, который хотел нас разлучить. Который хотел тебя. Который использовал бы это против нас.

— Он не использовал.

— Откуда ты знаешь? — Артём повысил голос. — Откуда ты знаешь, что он не записал это? Не использует это, чтобы шантажировать тебя? Или меня?

Элина молчала. Она не думала об этом. Совсем не думала.

— Я… — она замялась. — Я не знаю.

— Вот именно. — Артём отвернулся. — Ты не знаешь. Ты просто пожалела его. И переспала с ним. И теперь говоришь мне, что это была ошибка.

— Да. Ошибка.

— И что? — Он снова повернулся. — Ты хочешь, чтобы я тебя простил? Чтобы я сказал: «Ничего страшного, бывает»?

— Нет. — Элина покачала головой. — Я не прошу прощения. Я просто говорю тебе правду. Потому что ты должен знать.

— Должен знать. — Артём усмехнулся. — Спасибо. Очень мило.

Он сел на стул. Ссутулился.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он тихо. — Я не злюсь на тебя за секс. Я злюсь на то, что ты сделала это с ним. С человеком, который… — он замялся, — …который хотел тебя. Который говорил, что любит тебя. Который, может быть, до сих пор думает, что ты его.

— Он не думает.

— Откуда ты знаешь? — Артём посмотрел на неё. — Он говорил с тобой после?

— Говорил. — Элина сглотнула. — Он сказал, что это было… — она замялась, — …что это было прекрасно. Что он чувствовал себя на небесах.

Артём замер.

— На небесах?

— Да. — Элина не отвела глаз. — Он сказал, что никогда не чувствовал ничего подобного. Что я… — она замолчала.

— Что ты — что?

— Что я дала ему то, чего он не получал никогда. — Она помолчала. — И что он не жалеет. Что он будет помнить это всегда.

Артём встал. Подошёл к ней. В его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не злость. Не обида. Что-то хуже.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказала? — спросил он тихо.

— Понимаю.

— Ты сказала, что он был на небесах. От секса с тобой.

— Да.

— И ты? — Артём помолчал. — Ты тоже была на небесах?

Элина замерла.

— Я… — она замялась. — Физически — да. Это было… — она подбирала слово, — … приятно. Очень. Я не могу сказать, что это было плохо. Это было… — она сглотнула, — … как на небесах. Но не потому, что я хотела его. А потому, что… — она замолчала. — Я не знаю. Я не знаю, почему.

Артём смотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Знаешь, что самое страшное? Я не могу тебя винить. Не могу.Потому что ты не сделала это назло. Ты не сделала это, чтобы меня обидеть. Ты сделала это, потому что пожалела его. — Он помолчал. — Но это не значит, что мне не больно.

— Я знаю.

— И это не значит, что я тебя прощу. — Он посмотрел на неё. — Не сейчас. Может быть, никогда.

— Я понимаю.

— Ты понимаешь? — Артём усмехнулся. — Ты понимаешь, что я чувствую? Ты понимаешь, что я чувствую, когда представляю тебя с ним? Когда представляю, как ты говоришь ему те же слова, что говорила мне? Когда представляю, как ты… — он замолчал. Сжал кулаки. — Нет. Ты не понимаешь. Ты не можешь.

Элина встала.

— Артём…

— Не надо. — Он поднял руку. — Не надо меня утешать. Не надо говорить, что это была ошибка. Я знаю, что это была ошибка. Но от этого не легче.

Он пошёл к двери.

— Куда ты?

— Не знаю. — Он обернулся. — Мне нужно побыть одному. Подумать.

— Артём…

Он вышел. Дверь закрылась. Элина осталась одна.

Она села на диван. Обхватила голову руками. И заплакала.

Глава 8. Примирение

2126 год. Квартира Элины. Ночь

Артём вернулся через два часа. Он не стучал — у него был ключ. Элина сидела на диване, всё ещё с красными глазами. Она не плакала. Просто сидела.

Он вошёл. Остановился в дверях. Посмотрел на неё. Долго.

— Я не знаю, что сказать, — сказал он наконец.

— Я тоже.

Он прошёл в комнату. Сел в кресло — не рядом с ней. Между ними было два метра. Но эти два метра казались километрами.

— Я ходил по улицам, — сказал он. — Думал. О нас. О том, что случилось. О том, что будет.

— И что?

— Я не знаю. — Он честно пожал плечами. — Я не знаю, смогу ли простить. Не знаю, смогу ли забыть. Не знаю, смогу ли смотреть на тебя и не думать о нём.

Элина молчала.

— Но я знаю одно, — сказал он. — Я не хочу тебя терять. Не потому, что я слабый. Не потому, что мне страшно. А потому, что я люблю тебя. Несмотря ни на что. Может быть, вопреки всему.

Она подняла на него глаза. В них были слёзы.

— Артём…

— Дай мне закончить. — Он поднял руку. — Я не прощаю тебя. Не сейчас. Может быть, никогда. Но я хочу попробовать. Потому что ты — не ошибка. Ты — не предательство. Ты — человек. Который ошибся. Как и я. Как все.

Он встал. Подошёл к ней. Сел рядом. Не касаясь.

— Я тоже не идеален, — сказал он тихо. — Я боюсь. Я закрываюсь. Я не всегда вижу тебя. Но я хочу учиться. Вместе. Если ты хочешь.

Элина заплакала. Тихо. Без всхлипов. Просто слёзы текли по щекам.

— Я хочу, — прошептала она. — Очень хочу.

Он взял её за руку. Первое прикосновение за весь вечер.

— Тогда давай попробуем. Не сразу. Постепенно. Но вместе.

Она кивнула. И прижалась к нему. Он обнял её. Крепко. Так, как не обнимал никогда.

Позже. Спальня

Они не говорили о том, что будет дальше. Не строили планов. Не давали обещаний. Просто были рядом.

Артём целовал её — медленно, глубоко. Элина отвечала. Её руки обвили его шею. Он чувствовал, как её сердце бьётся — быстро, громко, в такт с его собственным.

Они раздевали друг друга не спеша. Каждая пуговица, каждая застёжка — как маленькое прощение. Как маленькое «я здесь». Как маленькое «я с тобой».

Артём целовал её плечи, шею, грудь. Элина запустила пальцы в его волосы и тихо выдохнула. Он вошёл в неё — осторожно, глядя в глаза. Она кивнула.

И они начали двигаться вместе. Не спеша. В такт друг другу. В темноте, под мягким светом потолка. Где-то далеко гудел климат-контроль. Где-то ещё дальше шумел город. Но здесь, в этой комнате, был только мир из двух человек.

Элина выгнулась, вцепилась в его плечи. Артём почувствовал, как что-то горячее поднимается внутри. Он не сдерживался. И она не сдерживалась. Они отпустили всё — страх, вину, прошлое. И на несколько секунд стали одним целым.

Потом они лежали рядом. Влажные, уставшие. Но не счастливые. Пока не счастливые. Просто — вместе.

— Знаешь, — сказала Элина тихо, — я думала, что ты не вернёшься.

— Я тоже так думал. — Артём помолчал. — Но я вернулся.

— Почему?

— Потому что ты — это ты. А я — это я. И мы — это мы. Даже если это «мы» сейчас трещит по швам. — Он повернулся к ней. — Мы можем склеить. Если постараемся.

Она прижалась к нему.

— Я буду стараться.

— Я тоже.

Конец второй части.

Часть третья. Ника

Ника молода — около двадцати семи лет (на момент исчезновения ей было двадцать пять, плюс годы в темпоральном кармане). Она красива той красотой, которая не бросается в глаза сразу, но запоминается: худощавая, с длинными тёмными волосами, которые она часто собирает в хвост, и серо-голубыми глазами. В её облике есть что-то потерянное и настороженное — как у человека, который долго был один и разучился быть с другими. Она двигается тихо, почти незаметно, и часто смотрит в сторону, словно извиняясь за своё присутствие.

Глава 1. Месть

2126 год. Комплекс «Заря». Архив. Три дня спустя

Артём не спал. Не ел. Просто ходил по коридорам, как тень. Элина пыталась с ним говорить — он молчал. Пыталась прикоснуться — он отстранялся.

Он думал. О том, что она сделала. О том, как она сказала: «Он был на небесах». О том, как она призналась, что ей было приятно. Физически. Очень.

И он хотел, чтобы ей было так же больно. Нет. Больнее.

В архиве он нашёл то, что искал. Запись о Нике. Не стёртая — частично сохранившаяся. Олег пытался её восстановить, но не смог. А Артём — программист из прошлого — смог.

Он восстановил её. Не всю. Но достаточно. Имя. Голос. Координаты. Она не исчезла — она застряла. В темпоральном кармане. Между слоями времени. Живая. Но недоступная.

Артём знал, как её достать. «Хронос-2» позволял не только перемещаться — но и вытаскивать. Он мог вернуть Нику. Сейчас. В этот мир.

Он не думал о последствиях. Не думал о том, что это создаст парадокс. Не думал об Олеге. Не думал ни о ком. Только о том, как Элина узнает. Как она почувствует то же, что и он. Как ей будет больно.

Ночь. Лаборатория

Он работал в одиночку. Никто не знал. Элина спала — или делала вид, что спит. Он вышел из квартиры тихо. Прошёл по коридорам. Вошёл в лабораторию. Включил «Хронос-2».

Расчёты. Энергия. Координаты. Он ввёл их. Нажал кнопку.

Вспышка. Синий свет. И — она.

Ника стояла перед ним. Молодая. Красивая. С удивлёнными глазами.

— Где я? — прошептала она.

— В будущем, — сказал Артём. — В 2126-м. Я вытащил тебя.

— Кто ты?

— Артём. — Он помолчал. — Я знаю Олега.

Она замерла.

— Олег… он жив?

— Жив. — Артём кивнул. — И он думает, что ты исчезла навсегда.

Ника молчала. Потом сказала:

— Зачем ты меня вытащил?

Артём подошёл к ней. Близко. Очень близко.

— Чтобы сделать больно одному человеку. — Он помолчал. — Не Олегу. Его девушке. Бывшей. Или нынешней. Не знаю.

Ника посмотрела на него. Долго.

— Ты странный.

— Знаю.

Он поцеловал её. Она не отстранилась. Может быть, от шока. Может быть, от одиночества. Может быть, потому что тоже хотела забыться.

Они занимались сексом прямо в лаборатории. На столе. Быстро. Жёстко. Без нежности. Артём думал только об одном: чтобы Элина узнала. Чтобы ей было так же больно. Чтобы она почувствовала то же, что и он.

Потом Ника лежала на столе. Смотрела в потолок.

— Кто она? — спросила она.

— Элина. — Артём застёгивал рубашку. — Физик. Как ты. Только темпоральный.

— И ты её любишь?

Артём замер.

— Любил.

— А теперь?

— Теперь… — он помолчал. — Теперь я не знаю.

Ника села. Обхватила колени.

— Знаешь, что самое странное? Я не чувствую ничего. Ни вины. Ни стыда. Просто… пусто.

— Я тоже, — сказал Артём.

Они посмотрели друг на друга. Два человека, которые потеряли всё. И не знали, как вернуть.

Утро. Квартира Элины

Артём вернулся. Элина сидела на кухне. Не спала. Ждала.

— Где ты был? — спросила она.

— В лаборатории.

— Что ты делал?

— Работал. — Он сел напротив. — И ещё кое-что.

Она нахмурилась.

— Что?

— Я вытащил Нику. — Он посмотрел на неё. — Из темпорального кармана. Она жива. Она здесь.

Элина замерла.

— Что?

— Я вытащил её. — Артём помолчал. — И переспал с ней.

Элина не пошевелилась. Не закричала. Не заплакала. Просто смотрела на него.

— Зачем?

— Чтобы сделать тебе больно. — Он сказал это ровно. Без эмоций. — Ты сделала мне больно. Я сделал тебе больно. Теперь мы квиты.

Элина медленно встала. Подошла к окну. Стояла, смотрела на город.

— Ты понимаешь, что ты натворил? — сказала она тихо. — Ты вытащил человека из темпорального кармана. Это создаст парадокс. Это может разрушить всё. Время. Пространство. Нас.

— Мне было всё равно.

— Я знаю. — Она обернулась. — И это самое страшное. Ты не думал о последствиях. Ты думал только о мести.

— А ты? — Артём встал. — Ты думала о последствиях, когда спала с Олегом? Когда говорила, что он был на небесах? Когда говорила, что тебе было приятно?

— Я думала. — Элина смотрела на него. — Я думала, что делаю это ради него. Чтобы он отпустил. Чтобы он перестал быть тем, кем был. Я ошибалась. Но я думала.

— А я не думал. — Артём усмехнулся. — Я просто хотел, чтобы тебе было больно. Как мне.

Элина подошла к нему. Близко. Очень близко.

— Знаешь, что самое страшное? — сказала она. — Я не злюсь на тебя. Я понимаю. Потому что я сделала то же самое. Я тоже не думала о последствиях. Я тоже хотела… чего-то. Не знаю чего. Может быть, чтобы меня увидели. Может быть, чтобы меня пожалели. Может быть, чтобы я почувствовала что-то. Хоть что-нибудь.

Артём молчал.

— Мы оба сломаны, — сказала Элина. — Мы оба делаем больно друг другу. И мы оба не знаем, как остановиться.

Она отошла. Села на диван.

— Что теперь? — спросила она.

Артём посмотрел на неё. Долго.

— Не знаю. — Он честно пожал плечами. — Я думал, что месть поможет. Но не помогла. Мне всё равно больно. Может быть, даже больше.

— Мне тоже, — сказала Элина.

Они сидели в разных концах комнаты. Между ними было два метра. Но эти два метра казались километрами.

— Мы можем это исправить? — спросила Элина.

— Не знаю. — Артём помолчал. — Но я хочу попробовать. Не потому, что я простил. А потому, что я устал. Устал делать больно. Устал быть сломанным. Устал…

Он замолчал.

— Устал от чего? — тихо спросила Элина.

— Устал от того, что мы не мы. — Он посмотрел на неё. — Мы были кем-то другим. До всего этого. До Олега. До Ники. До измен. Мы были Артёмом и Элиной. Которые видели друг друга. Которые любили друг друга. Которые хотели построить что-то вместе.

Элина заплакала. Тихо.

— Я хочу вернуть нас, — сказала она. — Тех нас. Которые были до всего этого.

— Я тоже. — Артём встал. Подошёл к ней. Сел рядом. Не касаясь. — Но мы не можем вернуть. Мы можем только… построить заново. С нуля. С трещинами. С болью. Но заново.

Она посмотрела на него.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. — Он кивнул. — Но не сразу. Нам нужно время. Мне нужно время. Чтобы простить. Чтобы забыть. Чтобы снова научиться тебе доверять.

— А Ника?

— Ника… — Артём помолчал. — Я верну её Олегу. Это его парадокс. Его боль. Его жизнь. Я не должен был вмешиваться.

Элина кивнула.

— Хорошо.

Час спустя после того, как Артём ушёл Ника сидела на столе. Том самом, где они только что занимались сексом. Она не одевалась. Просто сидела, обхватив колени, и смотрела в стену.

Она не чувствовала холода. Не чувствовала стыда. Не чувствовала ничего. Кроме одного. Голода. Не физического. Другого. Того, который она не испытывала много лет — потому что много лет её просто не было.

Она думала об Артёме.

О том, как он вошёл в неё. Быстро. Жёстко. Без нежности. Но с чем-то ещё. С чем-то, что она не сразу поняла. С отчаянием. С болью. С желанием не её — а кого-то другого. Кого-то, кого он хотел забыть. Или кому хотел сделать больно.

Она знала это чувство. Она сама так жила. Когда-то. До кармана. До пустоты.

Она думала: «Он вытащил меня не просто так. Он хотел меня. Может быть, не сразу. Может быть, не так, как я хочу. Но он хотел. Иначе зачем?»

Она думала: «Я не могу без него. Я не представляю, как жить без него. Я была никем. Ничем. А он дал мне тело. Дал мне дыхание. Дал мне… что-то. И я не отдам это обратно. Не отдам его. Никому. Даже ей».

Она встала. Оделась. Медленно. Смотрела на своё отражение в тёмном экране монитора. Молодая. Красивая. Живая. Она была живой. Благодаря ему.

Она вышла из лаборатории. Пошла по коридору. Не к Элине. Не к Олегу. К себе. В комнату, которую ей выделили. В которой она должна была жить. Пока не решится её судьба.

Она сидела на кровати. Смотрела в стену. И думала.

Она думала о том, как его вернуть. Как сделать так, чтобы он остался с ней. Навсегда. Не потому, что должен. Не потому, что она его вытащила. А потому, что хочет.

Она думала: «Я подожду. Я не буду спешить. Я буду рядом. Буду слушать. Буду помогать. Буду делать то, что она не делает. И постепенно… постепенно он поймёт. Что я — не инструмент. Что я — не замена. Что я — Ника. Которая любит его. Которая не может без него. Которая умрёт без него».

Она легла на кровать. Закрыла глаза. И улыбнулась.

Она знала, что это неправильно. Знала, что он не её. Знала, что он любит Элину. Но ей было всё равно. Она была живой. Впервые за много лет. И она не собиралась это терять.

Глава 2. Секрет

2126 год. Комплекс «Заря». Коридор у лаборатории. Поздний вечер

Элина шла по коридору. Не спала. Не ела. Просто шла. Куда — не знала.

Она завернула за угол — и остановилась.

Ника стояла у окна. Смотрела на город. Молодая. Красивая. Живая. Та самая. Которую Артём вытащил. С которой переспал. Чтобы сделать больно.

Элина хотела уйти. Развернуться. Не говорить. Не смотреть. Но ноги не слушались.

Ника обернулась.

— Элина, — сказала она тихо. — Я знаю, кто ты.

— Знаю. — Элина сглотнула. — Ты — Ника. Та, которую он вытащил.

— Та, с которой он переспал. — Ника не отвела глаз. — Чтобы сделать тебе больно.

Элина молчала.

— Он рассказал? — спросила Ника.

— Рассказал. — Элина кивнула. — Всё. Как он вытащил тебя. Как переспал. Зачем.

Ника помолчала. Потом сказала:

— Мне жаль.

— Тебе жаль? — Элина усмехнулась. — Ты была с ним. Ты знала, что он делает. И ты… — она замялась, — …ты позволила.

— Позволила. — Ника кивнула. — Потому что я была никем. Ничем. Много лет. А он дал мне тело. Дыхание. Жизнь. И я… — она сглотнула, — …я не смогла отказаться. Не потому, что хотела его. А потому, что хотела жить.

Элина смотрела на неё. Долго.

— Ты не виновата, — сказала она наконец. — Он виноват. Я виновата. Но не ты.

Ника шагнула к ней. Ближе, чем нужно. Ближе, чем следовало.

— Ты красивая, — сказала она тихо.

Элина замерла.

— Что?

— Красивая. — Ника не отвела глаз. — Я видела тебя раньше. В архиве. На фотографиях. Но вживую… — она замялась, — …ты другая. Живая. Настоящая.

Элина хотела отступить. Но не смогла. Что-то в Нике было. Что-то, что притягивало.

— Ника, — сказала Элина. — Не надо.

— Что не надо?

— Этого. — Элина кивнула на расстояние между ними. — Мы не… я не…

Ника подняла руку. Коснулась её щеки. Медленно. Почти нежно.

Элина закрыла глаза. На одно мгновение. Одно-единственное. Она почувствовала тепло. Чужое. Незнакомое. Но… приятное.

А потом отстранилась.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я не могу. Не потому, что ты не… не потому, что ты плохая. А потому, что я люблю его. Даже после всего. Даже после неё. Даже после тебя.

Ника опустила руку.

— Я знаю. — Она улыбнулась. Грустно. — Поэтому я и не надеялась.

Она отошла. К окну. Снова стала смотреть на город.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она тихо. — Я не хочу тебе зла. Правда. Я вижу, как тебе больно. И мне тоже больно. Но… — она помолчала. — Я не могу без него. Не представляю, как жить без него. Он дал мне жизнь. И я… — она сглотнула, — …я не отдам её обратно.

Элина смотрела на неё. И вдруг поняла: Ника не враг. Она — ещё одна сломанная. Как Артём. Как она сама. Как все, кто потерял и не смог восстановиться.

— Ника, — сказала Элина.

— Что?

— Я не буду с тобой. Никогда. — Она помолчала. — Но я не буду и мешать тебе. Если ты хочешь быть с ним… — она замялась, — …я не знаю, что будет. Но я не буду стоять на пути.

Ника обернулась.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. — Элина кивнула. — Потому что я устала. Устала бороться. Устала делать больно. Устала… — она помолчала, — …быть сломанной.

Она пошла прочь. Не оглядываясь. Ника смотрела ей вслед.

А потом — тихо, почти шёпотом — сказала:

— Я тоже.

Глава 3. Втроём

2126 год. Комплекс «Заря». Квартира Элины. Месяц спустя

Жить втроём оказалось сложнее, чем они думали.

Поначалу всё было как в тумане. Они спали вместе, ели вместе, работали вместе. Артём чинил «Хронос», Элина писала статьи, Ника училась жить в мире, который её не ждал. Они смеялись, готовили синтетическую еду, смотрели на город с крыши. Всё было новым. Всё было ярким.

А потом начались будни.

— Что ты хочешь? — спросил Артём у Ники, стоя у синтезатора.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Что-нибудь… обычное.

— Обычное — это что?

— Ну, не знаю. У нас в 2070-х было… — она замялась, — …не помню. Всё стёрлось.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Ладно. Сделаю омлет. Синтетический. Но омлет.

Он нажал на кнопки. Синтезатор загудел. Через минуту выдал тарелку с чем-то, что пахло омлетом.

Ника взяла вилку. Попробовала. Поморщилась.

— Что? — спросил Артём.

— Нормально. — Она пожала плечами. — Просто… я не помню, какой был настоящий.

Артём сел напротив.

— Я тоже не помню. В 2026-м я ел настоящие яйца. Но уже не помню вкус.

Они молчали. Потом Ника сказала:

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я не чувствую себя здесь. — Она обвела рукой кухню. — Как будто я гость. Как будто я не должна быть здесь. Как будто… — она замялась, — …я чужая.

Артём посмотрел на неё.

— Ты не чужая.

— Знаю. — Она усмехнулась. — Но чувствую.

Вечер. Гостиная

Элина вернулась с работы. Уставшая. Злая.

— Что-то случилось? — спросил Артём.

— Совет. — Она бросила планшет на стол. — Они хотят провести аудит. Проверить, как мы используем «Хронос-2». Проверить, не создаём ли мы парадоксов.

— А мы создаём?

— Нет. — Она села на диван. — Но они хотят проверить. Потому что Олег ушёл. А без Олега они не знают, что делать. И боятся.

Ника сидела в кресле. Молчала.

— А ты что думаешь? — спросила Элина, повернувшись к ней.

— Я? — Ника пожала плечами. — Я не знаю. Я не член Совета. Я вообще… — она замялась, — …не должна здесь быть.

— Ты здесь потому, что мы тебя хотим, — сказала Элина.

— Знаю. — Ника усмехнулась. — Но иногда мне кажется, что вы хотите меня не потому, что я — я. А потому, что я — не Олег. Не Артём. Не кто-то ещё. Просто… кто-то.

Элина замерла.

— Это неправда.

— Может быть. — Ника встала. — Но я так чувствую.

Она вышла. Элина посмотрела на Артёма.

— Что это было?

— Не знаю. — Артём пожал плечами. — Может быть, она устала. Может быть, она боится. Может быть, она… — он замялся, — …не чувствует себя частью.

Ночь. Спальня

Они лежали втроём. Элина — посередине. Артём — слева. Ника — справа. Но между ними была стена. Не физическая. Другая.

— Ника, — сказала Элина тихо.

— М?

— Ты сказала, что чувствуешь себя чужой. Почему?

Ника молчала. Долго. Потом сказала:

— Потому что вы — Артём и Элина. У вас есть история. У вас есть прошлое. У вас есть… — она замялась, — …всё. А у меня нет ничего. Я была никем. Ничем. Много лет. А теперь я здесь. И я не знаю, кто я. Не знаю, зачем я. Не знаю, что будет дальше.

Артём взял её за руку.

— Ты — Ника. Этого достаточно.

— Недостаточно. — Она покачала головой. — Для вас — может быть. Для меня — нет.

Элина повернулась к ней.

— Тогда давай найдём. — Она помолчала. — Что ты хочешь делать? Не для нас. Для себя.

Ника задумалась.

— Не знаю. — Она честно пожала плечами. — Раньше я хотела быть физиком. Как ты. Но теперь… — она замялась, — …я не знаю. Всё изменилось. Я изменилась.

— Тогда начни с чего-то. — Элина коснулась её лица. — Не с большого. С маленького. Например… — она улыбнулась, — …ты можешь учить меня готовить. Настоящую еду. Не синтетическую.

— Я не умею.

— Я тоже. Но мы можем научиться. Вместе.

Ника посмотрела на неё. Долго. Потом улыбнулась.

— Ладно. Попробуем.

Утро. Кухня. Неделя спустя

Ника стояла у синтезатора. Элина — рядом. Артём — за столом.

— Итак, — сказала Ника. — Сначала — основа. Что-то белковое.

— Синтетическое мясо? — спросила Элина.

— Нет. — Ника покачала головой. — Настоящее. Ну, почти. — Она нажала на кнопки. — Смотри. Вот так.

Синтезатор загудел. Выдал что-то, похожее на курицу.

— Теперь — овощи. — Ника нажала ещё. — И специи. Немного. Чтобы не перебивать вкус.

Элина наблюдала. Артём тоже.

— А ты умеешь, — сказал он.

— Учусь. — Ника улыбнулась. — Как и все.

Она поставила тарелку на стол. Элина попробовала. Поморщилась.

— Что? — спросила Ника.

— Нормально. — Элина пожала плечами. — Просто… необычно.

— Это прогресс. — Ника села рядом. — Раньше ты вообще не ела.

Элина засмеялась.

— Раньше я не знала, что можно есть что-то, кроме синтетики.

— Теперь знаешь.

Вечер. Гостиная

Артём читал на планшете. Элина что-то чертила. Ника смотрела на город.

— Знаешь, что самое странное? — сказала вдруг Ника.

— Что? — спросил Артём.

— Я начинаю чувствовать себя здесь. — Она обвела рукой комнату. — Как будто я не гость. Как будто… — она замялась, — …я часть.

Элина подняла на неё глаза.

— Ты и есть часть.

— Знаю. — Ника улыбнулась. — Но теперь я это чувствую.

Артём отложил планшет.

— Хорошо.

Ника посмотрела на него.

— Что — хорошо?

— Что ты чувствуешь. — Он пожал плечами. — Это важно.

Она встала. Подошла к нему. Поцеловала в щёку. Потом подошла к Элине. Поцеловала в губы. Нежно. Тихо.

— Спасибо, — сказала она.

— За что? — спросила Элина.

— За то, что вы есть. За то, что вы меня видите. За то, что… — она замялась, — … я не одна.

Элина взяла её за руку.

— Ты не одна. И не будешь.

Глава 4. Аврора

2126 год. Комплекс «Заря». Кабинет Совета. Утро

Артём и Ника стояли перед Советом. Элина и Олег — в стороне. Все четверо молчали. Ждали.

— Решение принято, — сказал председатель Совета. — Артём Волков остаётся в этом времени. Официально. Без парадокса. Мы зафиксируем его как «временного резидента».

Артём выдохнул. Элина взяла его за руку.

— Но есть условие, — продолжил председатель. — На планете Аврора обнаружена темпоральная аномалия. Небольшая. Но потенциально опасная. Нужно исследовать. На месте.

— Аврора? — переспросил Артём.

— Планета в системе Проксима Центавра. — Председатель нажал на пульт. На экране появилось изображение: зелёная планета, голубые океаны, белые облака. — Идеальный климат. Чистый воздух. Никакой промышленности. Никакого загрязнения. Как Земля, но… лучше.

— И кто полетит? — спросила Элина.

— Волков и Соколова. — Председатель кивнул на Артёма и Нику. — Они оба — темпоральные аномалии. Они лучше всех чувствуют искажения. И они не связаны с Советом. Пока.

Элина замерла.

— А я?

— Вы, Элина, остаётесь. Вы нужны здесь. Для работы с «Хроносом-2». И для… — председатель замялся, — …присмотра за Олегом.

Олег усмехнулся. Горько.

— Значит, я под надзором.

— Все мы под надзором, — сказал председатель. — Это не наказание. Это необходимость.

Космопорт. Час спустя

Артём стоял у трапа. Ника — рядом. Элина и Олег — в стороне. Прощались.

— Ты уверен, что хочешь лететь? — спросила Элина.

— Уверен. — Артём кивнул. — Это шанс. Для меня. Для нас. Если я помогу Совету — они оставят меня в покое. Навсегда.

— А если нет?

— Тогда… — он замялся. — Тогда мы найдём другой способ.

Она обняла его. Крепко. Долго.

— Возвращайся.

— Вернусь.

Ника стояла рядом с Олегом. Они не обнимались. Просто смотрели друг на друга.

— Ты злишься? — спросила Ника.

— Нет. — Олег покачал головой. — Я знаю, что это работа. Просто… — он замялся, — …будь осторожна.

— Буду.

Она пошла к трапу. Артём — за ней.

Аврора. День первый

Планета была красивой. Такой красивой, что захватывало дух. Зелёные холмы, голубые реки, воздух — чистый, как стекло. Никаких заводов. Никаких машин. Только природа.

Артём вышел из корабля. Вдохнул. Глубоко. Полной грудью.

— Ничего себе, — пробормотал он.

Ника вышла следом. Тоже вдохнула.

— Я забыла, что воздух может быть таким.

— Каким?

— Чистым. — Она улыбнулась. — На Земле он был… другим. Синтетическим. А здесь… — она замялась, — …настоящим.

Они стояли рядом. Смотрели на планету. Молчали.

— Итак, — сказал Артём. — Начнём?

— Начнём.

Аврора. День седьмой

Они нашли аномалию. Небольшую. Безопасную. Её можно было закрыть. И они закрыли. Вместе.

— Готово, — сказал Артём, глядя на экран. — Аномалия устранена.

Ника кивнула. Они стояли рядом. Смотрели на экран. Молчали.

— Значит, завтра домой, — сказала она.

— Значит, завтра.

Они не двинулись. Не пошли к кораблю. Просто стояли. Смотрели друг на друга.

— Ника, — сказал Артём тихо.

— М?

— Я не хочу возвращаться.

— Я тоже.

Он коснулся её лица. Она закрыла глаза.

— Это неправильно, — прошептала она.

— Знаю.

Он поцеловал её. Нежно. Глубоко. Как будто прощаясь. Как будто начиная. Она ответила. Её руки обвили его шею.

Они не говорили. Не могли. Просто целовались. На планете, где воздух был чистым. Где климат был идеальным. Где они были не сломанными. А просто — собой.

Потом они лежали рядом. На траве. Смотрели на звёзды.

— Что мы скажем им? — спросила Ника.

— Правду. — Артём помолчал. — Что мы были вместе. Что это случилось. Что мы не жалеем.

— А если они не поймут?

— Тогда… — он замялся, — …тогда мы найдём способ. Как всегда. Вместе.

Ника прижалась к нему.

— Вместе.

Глава 5. Решение

Аврора. День восьмой. Утро

Корабль стоял на поляне. Готовый к взлёту.

Артём стоял у трапа. Смотрел на корабль. Не двигался.

Ника стояла рядом. Тоже смотрела. Тоже не двигалась.

— Мы можем не возвращаться, — сказала она тихо.

— Знаю.

— Мы можем остаться. Здесь. Навсегда.

— Знаю.

Она повернулась к нему.

— И что?

Артём молчал. Долго. Потом сказал:

— Я не знаю.

Он сел на траву. Ника села рядом. Они смотрели на корабль. На поляну. На холмы вдалеке.

— Здесь нет Совета, — сказала Ника. — Нет парадоксов. Нет стираний. Нет прошлого, которое тянет назад.

— Здесь нет их, — сказал Артём.

— Нет. — Ника помолчала. — И это самое страшное. И самое лучшее.

Артём посмотрел на неё.

— Ты хочешь остаться?

— Хочу. — Она не отвела глаз. — Не потому, что я их не люблю. А потому, что я устала. Устала быть сломанной. Устала делать больно. Устала выбирать между тем, что правильно, и тем, что хочу.

— А здесь не надо выбирать?

— Здесь… — она замялась, — …здесь можно просто быть. Дышать. Жить. Не оглядываться. Не бояться.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Я тоже устал.

Они сидели на траве. Молчали. Корабль ждал. Земля ждала. Элина ждала. Олег ждал.

— Мы можем им сказать, — сказала Ника. — По связи. Что мы остаёмся. Что мы не вернёмся. Что мы… — она замялась, — …простите нас. Если сможете.

Артём встал. Подошёл к кораблю. Открыл панель связи. Набрал код. Долго смотрел на экран. Потом нажал.

Земля. Комплекс «Заря». Кабинет Элины

Экран мигнул. Появилось лицо Артёма. Элина бросилась к нему.

— Артём! Ты вернулся? Где вы? Мы ждём…

— Элина. — Он помолчал. — Мы не вернёмся.

Она замерла.

— Что?

— Мы остаёмся на Авроре. Я и Ника. Навсегда.

Элина смотрела на экран. Не мигая.

— Это шутка?

— Нет. — Артём покачал головой. — Это решение. Наше. Не Совета. Не чьё-то. Наше.

— Почему? — Голос дрогнул.

— Потому что мы устали. — Он говорил тихо. — Устали делать больно. Устали выбирать. Устали быть сломанными. Здесь… — он замялся, — …здесь мы не сломанные. Здесь мы просто люди. Которые дышат. Которые живут. Которые не боятся.

Элина молчала.

— Я люблю тебя, — сказал Артём. — Не думай, что я не люблю. Я люблю. Но я не могу вернуться. Не могу снова войти в это. В Совет. В парадоксы. В выборы. В боль.

— А Ника?

— Она тоже остаётся. — Он помолчал. — Она тоже устала. Как и я. Как и все мы.

Элина закрыла глаза. На мгновение. Потом открыла.

— Я не могу тебя остановить?

— Не можешь.

— И не могу поехать с тобой?

Артём замер.

— Ты… хочешь?

— Не знаю. — Она честно пожала плечами. — Я не знаю, что хочу. Я не знаю, что правильно. Я не знаю ничего.

Он смотрел на неё. Долго.

— Тогда оставайся. — Он помолчал. — Не потому, что я тебя не хочу. А потому, что ты должна решить сама. Не ради меня. Не ради Ники. Ради себя. Что ты хочешь? Где ты хочешь быть? С кем?

Элина заплакала. Тихо. Без всхлипов.

— Я не знаю.

— Я знаю. — Артём улыбнулся. Грустно. — Ты хочешь быть здесь. С Олегом. С работой. С жизнью, которую ты построила. И это нормально. Это правильно. Для тебя.

— А для тебя?

— Для меня правильно — здесь. С Никой. На Авроре. — Он помолчал. — Мы оба нашли своё место. Просто… разные.

Элина вытерла слёзы.

— Ты вернёшься? Когда-нибудь?

— Не знаю. — Он честно пожал плечами. — Может быть. Может быть, нет. Но я буду помнить. Всегда.

— Я тоже. — Она сглотнула. — Я тоже.

Экран мигнул. И погас.

Земля. Кабинет Олега

Ника стояла перед экраном. Олег смотрел на неё. Молчал.

— Ты остаёшься, — сказал он. Это был не вопрос.

— Остаюсь.

— Со мной?

— Нет. — Она покачала головой. — С Артёмом. На Авроре.

Олег замер.

— Почему?

— Потому что я устала. — Она помолчала. — Устала быть третьей. Устала быть той, кого вытащили. Устала выбирать. Здесь… — она замялась, — …здесь я не третья. Здесь я — Ника. Просто Ника. Которая дышит. Которая живёт.

Олег молчал. Долго.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо.

— Знаю. — Она сглотнула. — Я тоже тебя люблю. Но не так, как надо. Не так, как ты хочешь. Не так, как я хочу. — Она помолчала. — Прости.

Олег закрыл глаза. На мгновение. Потом открыл.

— Ты счастлива?

— Не знаю. — Она честно пожала плечами. — Может быть. Может быть, буду.

— Тогда… — он замялся, — …тогда будь.

Ника улыбнулась. Грустно. Тепло.

— Спасибо.

Экран погас.

Аврора. День девятый. Утро

Корабль стоял на поляне. Но они не вошли в него. Они стояли рядом. Смотрели, как автопилот запускает двигатели. Как корабль поднимается. Как он исчезает в небе.

Артём и Ника остались одни. На планете. С чистым воздухом. С идеальным климатом. С жизнью, которую они выбрали.

— Итак, — сказал Артём. — Что теперь?

— Не знаю. — Ника пожала плечами. — Жить. Дышать. Строить. Может быть, дом. Может быть, что-то ещё.

— Дом, — повторил он. — Звучит неплохо.

Она взяла его за руку.

— Пойдём?

— Пойдём.

Они пошли по траве. К холмам. К реке. К чему-то новому. К чему-то, что было только их.

Конец третьей части.

Глава 6 . Задание

2126 год. Комплекс «Заря». Кабинет Совета. Утро

Элина стояла перед Советом. Пятеро. Молчаливые. С планшетами. С холодными глазами. Олег — в центре. Смотрел на неё. Долго.

— Элина Соколова. — Он помолчал. — Вы знаете, зачем вы здесь.

— Знаю. — Она кивнула. — Аврора. Аномалия. Исследовать. На месте.

— Не только. — Олег нажал на пульт. На экране появилась карта. Аврора. Дом. Река. Двое. — На Авроре находятся объект 734-А и объект 735-Б. Артём Волков. И Ника. — Он помолчал. — Они должны вернуться. В своё время. В свою реальность. В… — он замялся. — В ничего. Но они не вернулись. Они остались. И создали… — он помолчал. — Дом. Семью. Жизнь. Которой не должно быть.

Элина молчала.

— Вы должны вернуть их, — сказал Олег. — Уговорить. Убедить. Сделать так, чтобы они вернулись. Добровольно. Или… — он замялся. — Или не добровольно. Но вернулись.

— Почему я? — спросила Элина.

— Потому что вы — единственная. Кто может. — Олег посмотрел на неё. — Он любит вас. Она… — он замялся. — Она вас уважает. Или боится. Или и то, и другое. — Он помолчал. — Вы — ключ. Который откроет дверь. Или закроет. Навсегда.

Элина посмотрела на него. Долго.

— А если я откажусь?

— Тогда мы применим силу. — Олег не повысил голос. — Мы не убиваем. Мы стираем. Память. Личность. Всё. — Он помолчал. — Но мы не хотим. Мы хотим, чтобы вы сделали это. Добровольно. По-хорошему. Чтобы они вернулись. Чтобы всё было как надо. Чтобы… — он замялся. — Чтобы мы были спокойны.

Элина молчала. Долго. Потом сказала:

— Хорошо. Я полечу.

— Спасибо. — Олег кивнул. — Корабль готов. Задание — на планшете. Аномалия. И они. — Он помолчал. — Возвращайтесь. С ними. Или без них. Но возвращайтесь.

Аврора. Дом. Утро

Артём чинил крышу. Молоток соскальзывал. Гвоздь гнулся. Ника сидела на траве. Смотрела. Улыбалась.

— Ты не туда бьёшь.

— Я бью туда, куда надо.

— Нет. — Она подняла травинку. Покрутила в пальцах. — Ты бьёшь вбок. Гвоздь гнётся. Потом крыша упадёт. Потом мы умрём. От холода. Или от дождя. Который будет заливать нас. Через дыру. Которую ты сделал. Своим молотком.

— Я не сделал дыру.

— Сделал. — Она показала на крышу. — Вон там. И там. И там. — Она помолчала. — Ты — медведь. В спячке. Который не может уснуть. Который не может починить крышу. Который не может открыть банку. Который…

Она замолчала. Потому что в небе что-то мигнуло. Не солнце. Не звезда. Что-то другое. Синее. Яркое. Знакомое.

Артём замер. Молоток в руке. Гвоздь в другой. Ника встала. Смотрела на небо. Не мигая.

— Это… — она замялась. — Это корабль?

Артём посмотрел на небо. Долго. Потом сказал:

— Это корабль.

Корабль снижался. Медленно. Уверенно. Как будто знал, куда летит. Как будто знал, что его ждут. Он приземлился на поляне. Недалеко от дома. Дверь открылась. Трап опустился.

И тогда она вышла.

Элина.

В комбинезоне, который менял цвет. С растрёпанными волосами. С усталыми глазами. С чемоданом в руке. Она стояла на трапе. Смотрела на них. Долго.

— Привет, — сказала она.

Артём замер. Ника замерла. Оба смотрели на неё. Не мигая.

— Элина? — прошептал Артём.

— Элина. — Она кивнула. — Я прилетела. По заданию Совета. — Она помолчала. — На Авроре опять аномалия. Небольшая. Но потенциально опасная. Нужно исследовать. На месте.

Ника шагнула вперёд. Встала между ней и Артёмом.

— Аномалия. — Она помолчала. — И ты прилетела. Чтобы исследовать. На месте. — Она усмехнулась. — А не чтобы вернуть его? Или убить? Или стереть?

Элина посмотрела на неё. Долго.

— Нет. — Она честно пожала плечами. — Не чтобы вернуть. Не чтобы убить. Не чтобы стереть. — Она помолчала. — Чтобы исследовать. На месте. — Она посмотрела на дом. На них. На всё. — И, может быть. Может быть, чтобы увидеть вас. Увидеть, как вы живёте. Как вы счастливы. Или не счастливы. Или… — она сглотнула. — Или что.

Артём подошёл. Встал рядом с Никой. Посмотрел на Элину. Долго.

— Аномалия. — Он помолчал. — Где?

— В горах. — Элина кивнула на восток. — В трёх километрах отсюда. Небольшая. Но… — она замялась. — Но странная. Она… — она помолчала. — Она как будто живая.

Ника посмотрела на неё. Долго.

— Живая?

— Да. — Элина кивнула. — Она пульсирует. Как сердце. Как дыхание. Как… — она замялась. — Как что-то. Что ждёт.

Артём посмотрел на Нику. Ника — на него. Потом снова на Элину.

— Ладно, — сказала Ника. — Исследуй. — Она помолчала. — Но у нас есть правила. Первое: никаких заданий Совета. Второе: никаких стираний. Третье: никаких… — она замялась. — Никаких «я прилетела, чтобы вернуть». Мы здесь не для этого. Мы здесь для того, чтобы жить. Просто жить. С чаем. С мятой. Без мёда. Который Артём разлил. Тогда. На полу. На себе. На мне. На тебе. Когда ты прилетишь. И мы будем смеяться. Как сумасшедшие. Которые не могут остановиться. Потому что им весело. Потому что они вместе. Потому что они — это мы.

Элина засмеялась. Тихо. Счастливо.

— Ладно. — Она кивнула. — Никаких заданий. Никаких стираний. Никаких «вернуть». Только аномалия. Только исследование. Только… — она замялась. — Только чай. С мятой. Без мёда. Который Артём разлил. Тогда. На полу. На себе. На тебе. На мне. Когда я прилечу. И мы будем смеяться. Как сумасшедшие. Которые не могут остановиться. Потому что им весело. Потому что они вместе. Потому что они — это мы.

Горы. День

Они шли втроём. Артём — впереди. Ника — рядом. Элина — сзади. Смотрела по сторонам. На горы. На лес. На небо. Как будто видела всё впервые. Как будто не была здесь. Никогда.

— Ты была здесь раньше? — спросил Артём.

— Нет. — Элина покачала головой. — Я была на Авроре. Но не здесь. Не в этих горах. — Она помолчала. — Это… — она замялась. — Это другое.

— Другое? — Ника подняла бровь. — В смысле?

— Не знаю. — Элина честно пожала плечами. — Просто другое. Как будто… — она замялась. — Как будто я здесь. Впервые. Как будто я не знаю. Что будет. Что найдём. Что… — она сглотнула. — Что мы найдём.

Ника посмотрела на неё. Долго. Потом сказала:

— Ты боишься.

— Боюсь. — Элина кивнула. — Не аномалии. Не гор. Не… — она замялась. — Не того, что мы найдём. А того, что мы не найдём. Ничего. И я вернусь. На Землю. В Совет. Одна. — Она помолчала. — Или того, что мы найдём. Что-то. Что изменит всё. И я… — она сглотнула. — И я не смогу вернуться.

Артём остановился. Обернулся. Посмотрел на неё. Долго.

— Ты не хочешь возвращаться?

— Не хочу. — Элина посмотрела на него. — Не хочу. В Совет. В симуляцию. В… — она замялась. — В ничего. — Она помолчала. — Я хочу остаться. С вами. В доме. Который вы построили. Криво. Но стоял. И который… — она сглотнула. — Который я люблю. Как умею. Как могу. Как получается.

Артём посмотрел на Нику. Ника — на него. Потом на Элину. Долго.

— Тогда оставайся, — сказала Ника.

— Оставаться? — Элина посмотрела на неё. — Но аномалия. Совет. Задание. Я не могу просто…

— Можешь. — Ника шагнула к ней. — Ты можешь просто. Остаться. С нами. В доме. Который мы построили. Криво. Но стоял. И который мы любим. Как умеем. Как можем. Как получается. — Она помолчала. — А Совет. Задание. Аномалия. Всё это… — она замялась. — Всё это не имеет значения. Значение имеем мы. Здесь. Сейчас. Вместе.

Элина посмотрела на неё. Долго. Потом улыбнулась. Слабо. Но искренне.

— Ладно. — Она кивнула. — Я остаюсь.

Аномалия. Пещера. Вечер

Они нашли её у подножия горы. Вход в пещеру. Тёмный. Глубокий. Из него шёл звук. Гудение. Ровное. Тихое. Как дыхание. Как сердцебиение.

— Это… — Артём замялся. — Это она?

— Она. — Элина кивнула. — Аномалия. — Она помолчала. — Она пульсирует. Как сердце. Как дыхание. Как… — она замялась. — Как что-то. Что ждёт.

Ника посмотрела на неё. Долго.

— И что мы будем делать?

— Исследовать. — Элина честно пожала плечами. — Записать данные. Закрыть аномалию. И… — она замялась. — И остаться.

Артём посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Ты уверена?

— Уверена. — Элина кивнула. — Я не хочу возвращаться. В Совет. В симуляцию. В… — она замялась. — В ничего. Я хочу остаться. С вами. В доме. Который вы построили. Криво. Но стоял. И который… — она сглотнула. — Который я люблю. Как умею. Как могу. Как получается.

Артём обнял её. Крепко. Как будто боялся, что она исчезнет. Как будто знал, что не исчезнет. Потому что она здесь. С ним. С Никой. С ними. На Авроре. В горах. У пещеры. У аномалии. Которая пульсировала. Как сердце. Как дыхание. Как что-то. Что ждало.

Ника подошла. Обняла их обоих.

— Тогда оставайся, — сказала она. — Навсегда.

— Навсегда, — сказала Элина.

— Навсегда, — сказал Артём.

Часть четвертая. Аврора

Глава 1. Дом

Аврора. День десятый. Утро

Первые дни были странными. Не потому, что они не знали, что делать. А потому, что делать можно было всё. Или ничего. Впервые в жизни — ни Совета, ни парадоксов, ни страха. Только они. И планета.

Артём проснулся первым. Выходил из корабля — они пока жили в нём, пока не построят дом. Воздух был холодным. Чистым. Он вдохнул полной грудью. И улыбнулся.

Ника вышла следом. Сонная. Растрёпанная. Села рядом.

— Что будем делать сегодня?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Может быть, дом?

— Дом, — повторила она. — Звучит как что-то постоянное.

— А мы теперь постоянные. — Он посмотрел на неё. — Навсегда.

Она улыбнулась.

— Навсегда.

День двенадцатый

Они нашли поляну у реки. Ровную. С видом на холмы. Артём сказал: «Здесь». Ника кивнула: «Здесь».

Строили вручную. Корабль привёз инструменты — пилы, молотки, гвозди. Но материалов было мало. Пришлось использовать то, что было под рукой. Дерево. Камень. Глину.

— Я никогда не строил дом, — сказал Артём, вбивая первый колышек.

— Я тоже, — сказала Ника.

— И я, — сказала Элина.

Они переглянулись.

— Но мы попробуем, — сказал Артём.

— Попробуем, — сказала Ника.

— Попробуем, — сказала Элина.

День двадцатый

Стены были кривыми. Крыша протекала. Дверь не закрывалась. Но это был дом. Их дом. Они построили его вместе. И это было главное.

— Знаешь, что самое странное? — сказала Ника, глядя на их творение.

— Что? — спросил Артём.

— Я не чувствую, что это неправильно. — Она обвела рукой. — Кривые стены. Протекающая крыша. Всё это. — Она помолчала. — Я чувствую, что это правильно. Для нас. Для этого места.

Элина подошла. Обняла её.

— Это и есть дом. Не идеальный. Но наш.

Артём обнял их обеих.

— Наш

Глава 2. Свободнее

Аврора. Дом. Ночь. Месяц спустя

Костёр догорал. Звёзды светили ярче, чем на Земле. Воздух был прохладным и чистым. Они сидели на веранде — втроём — и молчали.

— Знаешь, что я заметила? — сказала Элина тихо.

— Что? — спросил Артём.

— Здесь всё иначе. — Она обвела рукой пространство. — Не только воздух. Не только климат. Всё. Даже… — она замялась, — …это.

Ника повернулась к ней.

— Что «это»?

— Секс. — Элина сказала это просто, без стеснения. — На Земле я всегда чувствовала… не знаю. Как будто что-то мешает. Как будто мы делаем что-то не то. Или не так. Или не с теми.

Артём кивнул.

— Я тоже.

Ника помолчала. Потом сказала:

— Я думала, это только у меня.

— У всех, — сказала Элина. — Потому что на Земле всё было… сложно. Совет. Парадоксы. Прошлое. Вина. Мы всё время оглядывались.

— А здесь? — спросил Артём.

— Здесь… — Элина замялась, — …здесь мы не делаем больно. Никому. Только себе. Если захотим. Но мы не хотим.

Ника придвинулась к ней.

— Здесь мы свободны.

— Да. — Элина кивнула. — Свободны.

Артём встал. Подошёл к костру. Подбросил веток. Огонь вспыхнул.

— Знаете, что я думаю? — сказал он.

— Что? — спросили обе.

— Что здесь мы наконец можем быть собой. Не «Артёмом из прошлого». Не «Элиной-физиком». Не «Никой, которую вытащили». — Он повернулся. — Просто Артёмом. Элиной. Никой. Которые любят друг друга. И хотят друг друга. Без страха.

Ника встала. Подошла к нему.

— Без страха, — повторила она.

Элина тоже встала. Подошла.

— Без вины.

Они стояли втроём. Близко. Очень близко.

— Тогда, может быть… — начала Элина.

— Может быть, — сказал Артём.

Ника улыбнулась.

— Пойдёмте в дом.

Спальня. Ночь

Они не спешили. Потому что хотели растянуть каждое прикосновение. Каждый поцелуй. Каждый вздох.

Элина целовала Нику. Артём целовал Элину. Ника целовала Артёма. Они переплетались. Двигались. Дышали. Вместе.

— Здесь… — прошептала Элина, — …здесь всё иначе.

— Да, — выдохнула Ника. — Свободнее.

— Глубже, — сказал Артём.

Они не торопились. Не думали о прошлом. Не думали о будущем. Просто были. Здесь. Сейчас. Втроём.

Потом они лежали на кровати. Влажные. Уставшие. Счастливые.

— Знаешь, что самое странное? — сказала Ника тихо.

— Что? — спросил Артём.

— Я не чувствую вины. — Она помолчала. — На Земле я всегда чувствовала. Даже когда было хорошо. Как будто я делаю что-то не то. Как будто я не должна быть счастливой. А здесь… — она замялась, — …здесь я просто счастлива. И всё.

Элина прижалась к ней.

— Я тоже.

Артём обнял их обеих.

— Я тоже.

Они лежали в тишине. Климат-контроль не гудел — здесь его не было. Только дыхание. Только тепло. Только звёзды за окном.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Элина.

— Что? — спросили обе.

— Что мы не вернёмся. Никогда. И это правильно. — Она помолчала. — Потому что здесь мы нашли то, чего не было там. Не просто друг друга. А… — она замялась, — …свободу. Быть собой. Любить. Хотеть. Жить.

Ника кивнула.

— Свободу.

Артём поцеловал их обеих.

— Свободу.

Глава 3. Планшет

Аврора. Дом. Веранда. Утро

Артём сидел на веранде. Пил что-то, похожее на чай. Смотрел на реку. Ника рядом — читала на планшете. Элина ещё спала.

— Ника, — сказал вдруг Артём.

— М?

— Я давно хотел спросить. Как работает планшет? Здесь же нет интернета.

Ника оторвалась от экрана.

— Интернета нет. Но есть локальная сеть.

— Локальная?

— Да. — Она отложила планшет. — Когда мы прилетели, корабль развернул базовую станцию. Она работает от местной энергии. Ветер. Солнце. Вода. — Она кивнула на реку. — Станция создаёт локальную сеть. Она покрывает всю поляну. И немного вокруг.

Артём нахмурился.

— То есть вы можете пользоваться планшетами только здесь?

— Не только. — Ника покачала головой. — Станция ретранслирует сигнал на орбиту. Там висит спутник. Он связан с Землёй. Но не напрямую. Через задержку. Около четырёх минут в одну сторону.

— Четыре минуты?

— Да. — Она пожала плечами. — Мы не можем смотреть видео в реальном времени. Не можем звонить. Но можем отправлять сообщения. Читать новости. Скачивать книги. Медленно. Но можем.

Артём помолчал.

— А то, что ты читала вчера? Про декаданс?

— Это было скачано раньше. — Ника улыбнулась. — Когда мы только прилетели. Корабль привёз с собой библиотеку. Всю. Какие-то тысячи книг. Статьи. Исследования. Мы скачали всё, что могли. А потом… — она замялась, — …потом связь стала медленнее. И мы перестали качать. Только то, что нужно.

Артём кивнул.

— А как же Элина? Она работает с данными. С расчётами. Ей нужно больше.

— Элина работает с тем, что есть. — Ника пожала плечами. — Она скачала все нужные данные, когда мы прилетели. А потом… — она помолчала, — …потом она научилась обходиться без. Или создавать своё. — Она кивнула на дом. — Мы всё создали сами. Из того, что было. Из того, что нашли.

Артём посмотрел на планшет.

— А если сломается?

— Что?

— Планшет. Или станция. Или спутник. Что тогда?

Ника задумалась.

— Тогда мы останемся без связи. — Она честно пожала плечами. — Совсем. Но… — она улыбнулась, — …мы же не умрём. У нас есть дом. Еда. Вода. Друг друг. — Она помолчала. — Мы не умрём.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я никогда не думал, что можно жить без интернета. В 2026-м я был онлайн двадцать четыре на семь. Проверял почту. Читал новости. Смотрел видео. — Он усмехнулся. — А здесь… — он обвёл рукой, — …здесь я не онлайн. И мне… — он замялся, — …не страшно.

Ника улыбнулась.

— Потому что ты нашёл что-то лучшее.

— Что?

— Тишину. — Она помолчала. — И нас.

Глава 4. Джойс

Аврора. Дом. Веранда. Вечер

Ника читала на планшете. Элина что-то чертила. Артём смотрел на реку.

— Слушайте, — сказала вдруг Ника. — Я тут скачала книгу. Джеймс Джойс. «Улисс». Кто-нибудь читал?

Элина подняла глаза.

— Читала. В университете. С трудом.

Артём усмехнулся.

— Я начинал. Дважды. Не смог.

— Почему? — спросила Ника.

— Слишком сложно. — Артём пожал плечами. — Я привык к текстам, которые… ну, текут. А у Джойса всё наоборот. Как будто он разобрал язык на части и собрал заново. Только не по инструкции.

Элина кивнула.

— Это поток сознания. Он пытался показать, как работает мозг. Не «я подумал то, потом это». А всё сразу. Обрывки. Ассоциации. Воспоминания. Желания.

— И зачем? — спросила Ника.

— Чтобы показать правду. — Элина отложила салфетку. — Настоящую. Не причёсанную. Не «литературную». А такую, как есть.

Артём хмыкнул.

— Я в 2026-м читал статью. Какой-то критик писал, что «Улисс» — это книга, которую никто не читал. Все её хвалят. Все её боятся. Но никто не дочитал до конца.

— Я дочитала, — сказала Элина.

— И как?

— Тяжело. Но… — она замялась, — …красиво. Как будто ты прожил чужую жизнь. Целиком. Со всеми мыслями. Со всеми ошибками. Со всем.

Ника задумалась.

— А «Поминки по Финнегану»? Кто-нибудь пробовал?

Артём засмеялся.

— Это где первое слово — «recirculation»? И последнее — «the»? И они соединяются в круг?

— Да. — Ника кивнула. — Я читала про это. Говорят, это книга о ночи. О снах. О том, как язык разваливается.

— Разваливается — это мягко сказано. — Артём покачал головой. — Я видел отрывки. Там слова на десяти языках. Перемешаны.

Элина улыбнулась.

— Может быть, Джойс писал под чем-то. Он был болен. У него были проблемы с глазами. Он много пил. Но он писал. Каждый день. Годами.

— Зачем? — спросила Ника.

— Потому что не мог иначе. — Элина пожала плечами. — Как мы не можем иначе. Как ты не можешь не читать. Как Артём не может не чинить. Как я не могу не считать.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Знаете, что меня поражает в Джойсе? Он был из Дублина. Уехал. Жил в Париже. В Триесте. В Цюрихе. Но писал только о Дублине. Всю жизнь. Как будто не мог уйти.

— Потому что не ушёл, — сказала Элина. — Внутри. Он уехал телом. Но не душой. Дублин был в нём. Всегда.

Ника посмотрела на неё.

— А мы? Мы уехали с Земли. Но не уехали внутри?

Артём замер.

— Не знаю. — Он честно пожал плечами. — Иногда мне снится Питер. Дождь. Лаборатория. Бабушка. А иногда… — он замялся, — …иногда мне снится Совет. Олег. Парадоксы. И я просыпаюсь в холодном поту.

— Я тоже, — сказала Элина тихо. — Мне снится Совет. Работа. Олег. Как он смотрит на меня. Как он говорит: «Я люблю тебя». И я просыпаюсь. И вижу вас. И понимаю, что всё хорошо.

Ника взяла их за руки.

— А мне снится карман. Темпоральный. Как я застряла. Как не могу выбраться. Как кричу — а никто не слышит. — Она помолчала. — А потом я просыпаюсь. И вижу вас. И понимаю, что выбралась.

Артём сжал её пальцы.

— Мы все выбрались. Так или иначе.

— Да, — сказала Элина. — Выбрались. И нашли друг друга.

Они сидели на веранде. Молчали. Звёзды светили. Река шумела.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Ника.

— Что? — спросили обе.

— Что Джойс был прав. — Она помолчала. — Про поток сознания. Про то, что мысль не течёт линейно. Она скачет. Возвращается. Путается. — Она улыбнулась. — Как у нас. Как у меня. Как у всех.

Артём кивнул.

— Может быть. Но я всё равно не дочитаю «Улисса».

Элина засмеялась.

— Никто не дочитает. Кроме меня.

— Ты — исключение, — сказал Артём. — Ты — физик. Ты привыкла к сложному.

— А ты — программист. Ты привык к логике. — Элина пожала плечами. — Джойс — это не логика. Это… — она замялась, — …жизнь. Которая не логична.

— Тогда я лучше буду жить. — Артём встал. — Чем читать про то, как кто-то другой живёт.

Ника засмеялась.

— Согласна.

Элина вздохнула.

— Ладно. Я одна буду читать Джойса.

— Читай. — Артём поцеловал её в макушку. — А мы будем жить. И иногда слушать, как ты рассказываешь.

Глава 5. Декаданс

Аврора. Дом. Веранда. Вечер

Они сидели втроём. Костёр горел. Звёзды светили. Ника читала на планшете.

— Слушайте, — сказала вдруг Ника, отрываясь от экрана. — Я тут наткнулась на слово. «Декаданс». Что это?

Элина подняла глаза.

— Декаданс? — Она задумалась. — Это… упадок. Разложение. Когда общество достигает пика и начинает разлагаться. Или когда искусство становится слишком утончённым, слишком сложным, слишком… оторванным от жизни.

— А почему ты спрашиваешь? — спросил Артём.

— Потому что я читаю про это. — Ника показала планшет. — Это из статьи. Кто-то писал, что наше общество — декадентское. Что мы слишком много внимания уделяем наслаждениям. Комфорту. Красоте. И слишком мало — борьбе. Развитию. Смыслу.

Артём хмыкнул.

— И кто это писал?

— Не знаю. — Ника пожала плечами. — Какой-то философ из 2080-х. Он критиковал коммунизм. Говорил, что мы построили рай, но потеряли что-то важное. Что-то, что делало нас людьми.

Элина отложила салфетку.

— Я читала его. — Она помолчала. — Он писал, что в нашем мире нет вызова. Нет борьбы. Нет того, что заставляет человека расти. Что мы просто… существуем. Как растения. Или как животные. Которые едят, спят, размножаются. И всё.

— И что? — спросил Артём. — Ты с ним согласна?

— Не знаю. — Элина честно пожала плечами. — Может быть, отчасти. В нашем мире действительно нет борьбы. Нет войн. Нет бедности. Нет страха. Но… — она замялась, — … может быть, это и есть цель? Может быть, мы боролись за то, чтобы не было борьбы?

Ника задумалась.

— А что такое декаданс в искусстве? — спросила она.

— Это когда искусство становится слишком утончённым. Слишком сложным. Слишком… — Элина подбирала слово, — …оторванным от жизни. Как в Древнем Риме. Или в Европе конца девятнадцатого века. Когда художники писали для художников. Когда поэты писали для поэтов. Когда красота стала важнее смысла.

Артём помолчал.

— А мы? Мы — декадентские?

— Мы живём втроём на другой планете. — Элина усмехнулась. — Мы занимаемся сексом. Едим. Строим дом. Читаем. Смотрим на звёзды. — Она помолчала. — Это не похоже на декаданс. Это похоже на… жизнь.

— А если это и есть декаданс? — сказала Ника. — Что если «жить» — это и есть декаданс? Что если мы слишком сосредоточены на себе? На своих чувствах? На своём удовольствии?

Артём посмотрел на неё.

— Ты думаешь, мы слишком сосредоточены на себе?

— Не знаю. — Ника честно пожала плечами. — Иногда мне кажется, что мы как… как те люди в Древнем Риме. Которые ели, пили, занимались любовью. И не думали о том, что будет дальше. А потом Рим пал.

Элина взяла её за руку.

— Мы не Рим. Мы — три человека. Которые нашли друг друга. И живут так, как хотят.

— Но мы не думаем о будущем, — сказала Ника. — У нас нет детей. Нет работы. Нет цели. Мы просто… есть.

Артём встал. Подошёл к костру. Подбросил веток.

— А что, если цель — это и есть жизнь? — сказал он тихо. — Не «делать что-то великое». Не «строить империю». Не «оставить след». А просто… жить. Дышать. Любить. Быть счастливым.

— Это декаданс? — спросила Ника.

— Может быть. — Артём пожал плечами. — А может быть, это — то, ради чего всё было. Ради чего строили коммунизм. Ради чего умирали люди. Чтобы кто-то — где-то — мог просто жить. И быть счастливым.

Элина кивнула.

— Я думаю, декаданс — это когда наслаждение становится самоцелью. Когда ты ешь, пьёшь, занимаешься сексом — не потому, что хочешь. А потому, что больше нечего делать. Потому что ты потерял смысл. А мы… — она замялась, — …мы не потеряли. Мы нашли. Друг друга.

Ника помолчала. Потом сказала:

— А если мы потеряем?

— Тогда… — Элина сжала её руку, — …тогда мы будем искать заново. Вместе.

Артём вернулся. Сел рядом.

— Знаете, что я думаю?

— Что? — спросили обе.

— Декаданс — это когда ты боишься. Боишься, что завтра не будет. Боишься, что сегодня — последний день. И пытаешься взять от него всё. Всё наслаждение. Всё удовольствие. Всё. — Он помолчал. — А мы не боимся. У нас есть завтра. И послезавтра. И год. И десять. Мы не торопимся. Мы просто… живём.

Ника прижалась к нему.

— Может быть, ты прав.

— Может быть. — Он улыбнулся. — Или может быть, мы просто оправдываемся. Потому что нам хорошо. И мы не хотим думать о плохом.

Элина засмеялась.

— Знаешь, что самое странное? На Земле я бы никогда не стала об этом говорить. Слишком занята была. Работой. Советом. Выживанием. А здесь… — она обвела рукой пространство, — …здесь у меня есть время. Думать. Говорить. Чувствовать.

— Это декаданс? — спросил Артём.

— Может быть. — Она пожала плечами. — А может быть, это — жизнь. Настоящая. Которая не про выживание. А про… всё остальное.

Они сидели у костра. Втроём. Молчали. Звёзды светили. Планета была красивой. И они были вместе.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Ника.

— Что? — спросили обе.

— Что декаданс — это когда ты один. — Она помолчала. — Когда у тебя есть всё. Но не с кем разделить. А у нас… — она улыбнулась, — …у нас есть друг друг. И это — не декаданс. Это — любовь.

Элина поцеловала её в щёку.

— Любовь.

Артём обнял их обеих.

— Любовь.

Глава 6. Телепортация

Аврора. Дом. Веранда. Вечер

Артём чинил что-то в мастерской. Элина читала. Ника смотрела на звёзды.

— Слушайте, — сказала вдруг Ника. — А телепортация? Это возможно?

Элина отложила планшет.

— В каком смысле?

— Ну, в смысле — как в фантастике. Раз, и ты в другом месте. Без корабля. Без времени. Просто — исчез здесь, появился там.

Артём вышел из мастерской. Вытирал руки.

— Это интересный вопрос.

— Почему?

— Потому что мы как раз работаем с чем-то похожим. — Он сел рядом. — «Хронос-2» — это не телепортация. Но принцип похож. Мы не двигаем объект через пространство. Мы складываем пространство вокруг него.

— И в чём разница? — спросила Ника.

— В том, что при телепортации ты исчезаешь здесь и появляешься там. А при складывании пространства — ты проходишь сквозь него. Как через туннель. — Артём пожал плечами. — Но и то, и другое — обход скорости света.

Элина кивнула.

— В 2126-м мы научились складывать пространство. Но телепортация — это другое. Это когда ты разбираешь объект на атомы, передаёшь информацию, а потом собираешь заново. В другом месте.

— И это возможно? — спросила Ника.

— Теоретически — да. Практически — нет. — Элина помолчала. — Мы не можем разобрать человека на атомы. Это слишком сложно. Слишком много информации. Слишком много ошибок.

Артём хмыкнул.

— И это хорошо.

— Почему? — спросила Ника.

— Потому что если ты разбираешь человека на атомы — это уже не он. Это копия. Оригинал умер. А копия думает, что она — он. — Артём помолчал. — Страшно.

Элина посмотрела на него.

— Ты читал «Станцию»? Или «Муху»?

— Читал. — Артём кивнул. — «Муха» — это где человек телепортируется, а муха попадает в камеру. И он становится гибридом. Ужас.

Ника вздрогнула.

— Я бы не хотела так.

— Никто бы не хотел. — Элина улыбнулась. — Поэтому мы не телепортируемся. Мы складываем пространство. Или летаем на кораблях. Медленно. Но безопасно.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Знаете, что самое странное? Когда я попал сюда — в 2126-й — я не телепортировался. Не разбирался на атомы. Не собирался заново. Я просто… переместился. Целиком. Со всеми мыслями. Со всеми воспоминаниями. Со всем.

— Это была аномалия, — сказала Элина. — Не технология. Случайность.

— Знаю. — Он пожал плечами. — Но иногда я думаю: а что, если бы мы могли это контролировать? Перемещаться куда угодно. Когда угодно. Без кораблей. Без времени.

— Тогда мы были бы богами, — сказала Ника.

— Или монстрами. — Артём помолчал. — Потому что если ты можешь перемещаться куда угодно — ты можешь делать что угодно. И никто тебя не остановит.

Элина взяла его за руку.

— Мы не боги. Мы не монстры. Мы просто люди. Которые нашли друг друга. И живут на планете. И чинят приборы. И читают книги. И говорят о телепортации. Которой не существует.

Артём улыбнулся.

— И это хорошо.

— Да, — сказала Ника. — Это хорошо.

Они сидели на веранде. Звёзды светили. Река шумела.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Элина.

— Что? — спросили обе.

— Что телепортация — это не про перемещение. Это про страх. — Она помолчала. — Люди хотят телепортироваться, потому что боятся времени. Боятся расстояний. Боятся, что не успеют. Что не доберутся. Что опоздают.

Артём кивнул.

— А мы не боимся.

— Не боимся. — Элина улыбнулась. — У нас есть время. И расстояния. И друг друг.

Ника прижалась к ней.

— Тогда давай не будем телепортироваться.

— Не будем. — Элина поцеловала её в щёку. — Будем ходить пешком. Или летать на корабле. Медленно. Но вместе.

Артём обнял их обеих.

— Вместе.

Глава 7. Запутанность

Аврора. Дом. Веранда. Вечер

Ника читала на планшете. Элина что-то чертила. Артём смотрел на реку.

— Слушайте, — сказала вдруг Ника. — Я тут наткнулась на статью. Про квантовую запутанность. И не поняла.

Элина отложила салфетку.

— Что именно?

— Ну, вот две частицы. Они запутаны. И если ты измеряешь одну — вторая мгновенно меняется. Где бы она ни была. Хоть на другом конце галактики.

— Да, — сказала Элина. — Это работает.

— Но как? — Ника нахмурилась. — Это же быстрее скорости света. А Эйнштейн сказал, что быстрее нельзя.

Артём усмехнулся.

— Эйнштейн называл это «жутким дальнодействием». Он не верил, что это возможно. Думал, что есть какая-то скрытая переменная. Что частицы как-то «договариваются» заранее.

— И кто был прав? — спросила Ника.

— Эйнштейн ошибался. — Элина покачала головой. — Эксперименты доказали: запутанность реальна. Частицы действительно связаны. Мгновенно. Независимо от расстояния.

Ника задумалась.

— Но это же не телепортация? Ты не можешь передать информацию быстрее света?

— Не можешь. — Элина кивнула. — Запутанность не передаёт информацию. Она просто коррелирует состояния. Ты не можешь использовать её, чтобы отправить сообщение. Для этого нужен обычный канал. Ограниченный скоростью света.

— Тогда в чём смысл?

Артём встал. Подошёл к костру.

— Смысл в том, что мы можем использовать запутанность для телепортации квантового состояния. Не объекта. Не человека. А состояния. — Он помолчал. — Это называется «квантовая телепортация». Мы можем передать состояние одной частицы на другую. Мгновенно. Но для этого всё равно нужен классический канал.

Ника нахмурилась.

— То есть телепортация возможна? Но не такая, как в фантастике?

— Именно. — Элина улыбнулась. — Мы можем телепортировать квантовое состояние. Но не человека. Не объект. Только информацию. И для этого нужна запутанность и классический канал.

— И вы это умеете?

— Умеем. — Элина пожала плечами. — В лаборатории. С частицами. Но не с людьми. И не с планеты на планету.

Ника помолчала. Потом сказала:

— Знаете, что я думаю?

— Что? — спросил Артём.

— Что мы запутаны. — Она обвела рукой пространство между ними. — Как частицы. Мы связаны. Мгновенно. Независимо от расстояния. Я чувствую вас. Даже когда вас нет рядом. Даже когда вы спите. Даже когда вы думаете о чём-то другом.

Элина посмотрела на неё. Долго.

— Я тоже, — сказала она тихо. — Я чувствую вас. Обеих. Всегда.

Артём кивнул.

— Я тоже.

Они сидели у костра. Втроём. Молчали. Звёзды светили. Река шумела.

— Знаете, что самое странное? — сказала вдруг Элина.

— Что? — спросили обе.

— Квантовая запутанность не передаёт информацию. Но она передаёт что-то другое. Что-то, что нельзя измерить. Нельзя записать. Нельзя отправить. — Она помолчала. — Что-то, что просто… есть. Как мы. Как наша связь. Как наша любовь.

Артём взял её за руку.

— Это не наука.

— Может быть. — Элина улыбнулась. — А может быть, это наука, которую мы ещё не понимаем.

Ника прижалась к ней.

— Тогда давай не понимать. Просто чувствовать.

— Давай.

Конец четвертой части.

Часть пятая

Глава 1. Фауст

Аврора. Дом. Веранда. Вечер

Ника читала на планшете. Элина что-то чертила. Артём смотрел на реку.

— Слушайте, — сказала вдруг Ника. — Я тут скачала «Фауста». Гёте. Кто-нибудь читал?

Элина подняла глаза.

— Читала. В университете. На немецком. Тяжело, но… — она замялась, — …красиво.

Артём хмыкнул.

— Я начинал. На русском. Но не дочитал. Слишком… — он пожал плечами, — …философско.

— А в чём суть? — спросила Ника. — Я читала краткое содержание. Но не поняла.

Элина отложила салфетку.

— Фауст — это учёный. Который всё знает. Но не знает счастья. Он заключает сделку с дьяволом. Мефистофелем. Тот обещает ему всё. Все наслаждения. Все знания. Всё. А Фауст платит душой.

— И что? — спросила Ника.

— И он находит. — Элина помолчала. — Не сразу. Через боль. Через потери. Но находит. Момент. Который хочет остановить. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Артём кивнул.

— Я помню эту фразу. Она в конце. Когда он понимает, что счастлив. И тогда сделка исполняется. Он умирает. Но душа его спасается.

— Почему? — спросила Ника.

— Потому что он не просто наслаждался. Он стремился. К чему-то большему. К познанию. К созданию. К другим. — Элина помолчала. — Мефистофель проиграл. Потому что Фауст не был эгоистом. Он хотел счастья не только для себя.

Ника задумалась.

— А мы? Мы заключили сделку с дьяволом?

— Нет. — Артём покачал головой. — Мы не заключали. Мы просто… — он замялся, — …выбрали. Остаться здесь. Втроём. Без Совета. Без прошлого. Без страха.

— А если это и есть сделка? — спросила Ника. — Если мы заплатили чем-то? Чем-то важным?

Элина посмотрела на неё.

— Чем?

— Не знаю. — Ника честно пожала плечами. — Землёй. Людьми. Прошлым. Олегом. Тем, что могло быть.

Артём встал. Подошёл к костру. Подбросил веток.

— Может быть. — Он помолчал. — Но я не чувствую, что заплатил. Я чувствую, что… — он замялся, — …нашёл.

— Что?

— Момент. — Он повернулся. — Который хочу остановить. Здесь. С вами. На этой планете. В этом доме. У этого костра. — Он помолчал. — Я не хочу, чтобы это не закончилось. Никогда.

Ника улыбнулась.

— «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

— Да. — Артём кивнул. — Именно.

Элина встала. Подошла к нему. Обняла.

— Я тоже не хочу. Чтобы это закончилось.

Ника присоединилась. Они стояли втроём. У костра. Смотрели на звёзды.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Элина.

— Что? — спросили обе.

— Что Фауст был прав. — Она помолчала. — Не в сделке. А в том, что счастье — это момент. Который нужно остановить. Не навсегда. А… — она замялась, — …в себе. В памяти. В сердце.

Артём поцеловал её в макушку.

— Тогда давайте остановим. Этот момент. Здесь. Сейчас.

— Давайте, — сказала Ника.

Они стояли у костра. Втроём. Молчали. Звёзды светили. Река шумела. Планета была красивой. И они были вместе. И этот момент — они хотели остановить. В себе. В памяти. В сердце. Навсегда.

Глава 2. Что отдать

Аврора. Дом. Гостиная. Вечер

Ника открыла планшет. Элина села рядом. Артём — напротив. Свечи горели. Река шумела за окном.

— Итак, — сказала Ника. — «Фауст». Пролог. Бог и Мефистофель спорят о человеке.

Она начала читать. Медленно. С паузами.

«Не бойся, я не собираюсь отнимать у тебя твоего слугу. Я только прошу разрешения попробовать его на свой лад. Пока он живёт на земле, делай с ним что хочешь. Но если я смогу его совратить — он мой».

Элина кивнула.

— Это ключевой момент. Бог говорит: «Человек будет стремиться. Даже если ошибётся. Но в конце найдёт правильный путь». А Мефистофель говорит: «Поспорим. Я его совращу».

— И кто выигрывает? — спросила Ника.

— Бог. — Элина улыбнулась. — В конце Фауст спасается. Не потому, что он идеальный. А потому, что он стремился. Не останавливался. Не сдавался.

Артём помолчал. Потом сказал:

— А мы? Мы бы отдали что-то за счастье? Если бы пришёл Мефистофель?

Ника замерла.

— В смысле?

— Ну, вот он приходит. Предлагает всё. Счастье. Молодость. Знание. Всё, что хочешь. А взамен — что-то. Что ты отдашь?

Элина задумалась.

— Я бы не отдала вас. — Она посмотрела на них. — Ни за что. Ни за какое счастье.

— Я тоже, — сказала Ника. — Я уже была в кармане. Без ничего. Я знаю, что такое — когда нечего отдавать. И я не хочу снова.

Артём кивнул.

— А я бы отдал прошлое. — Он помолчал. — Не память. А… — он замялся, — …боль. Страх. Всё, что было до вас. До Авроры. До этого дома.

— Это не сделка. — Элина покачала головой. — Это исцеление. Мефистофель не исцеляет. Он предлагает. Но не даёт.

— А что он предлагает? — спросила Ника.

— Всё. — Элина усмехнулась. — И ничего. Он даёт момент. Но не вечность. Он даёт наслаждение. Но не счастье. Он даёт знание. Но не мудрость.

Артём встал. Подошёл к окну. Смотрел на реку.

— Знаете, что я думаю? — сказал он.

— Что? — спросили обе.

— Что мы уже заключили сделку. — Он повернулся. — Когда решили остаться здесь. Когда выбрали друг друга. Когда отказались от Земли. От Совета. От прошлого. — Он помолчал. — Мы отдали многое. Но получили больше.

Элина подошла к нему.

— Что мы отдали?

— Комфорт. — Он усмехнулся. — Землю. Работу. Олега. Возможность вернуться. — Он пожал плечами. — Но мы получили свободу. Дом. Друг друга.

Ника присоединилась.

— А если бы Мефистофель пришёл сейчас? — спросила она. — Что бы ты отдал?

Артём задумался. Долго.

— Ничего. — Он честно пожал плечами. — У меня нет ничего, что я хотел бы отдать. Всё, что у меня есть, — это вы. И я не отдам вас. Ни за что.

Элина поцеловала его в щёку.

— Я тоже.

Ника кивнула.

— Я тоже.

Они стояли у окна. Втроём. Смотрели на реку. Звёзды светили. Планета была красивой.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Ника.

— Что? — спросили обе.

— Что Фауст был прав. — Она помолчала. — Не в сделке. А в том, что счастье — это момент. Который нужно остановить. Не навсегда. А… — она замялась, — …в себе. В памяти. В сердце.

Артём обнял их обеих.

— Тогда давайте остановим. Этот момент. Здесь. Сейчас.

— Давайте, — сказала Элина.

Глава 3. Секрет

Аврора. Дом. Веранда. Утро

Артём проснулся первым. Выходил из дома. Воздух был холодным. Чистым. Он вдохнул полной грудью. И улыбнулся.

Ника вышла следом. Сонная. Растрёпанная. Села рядом.

— Что будем делать сегодня?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Может быть, ничего?

— Ничего, — повторила она. — Звучит как что-то новое.

— А мы теперь новые. — Он посмотрел на неё. — Навсегда.

Она улыбнулась.

— Навсегда.

Элина вышла следом. С чашкой в руке. Села рядом.

— О чём вы?

— О том, что будем делать сегодня, — сказал Артём.

— И что решили?

— Ничего.

— Ничего, — повторила Элина. — Звучит как план.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Ника.

— Что? — спросили обе.

— Что мы так и не рассказали друг другу всего. — Она помолчала. — О прошлом. О том, что было. О том, что болит. Мы говорим о книгах. О философии. О любви. Но не о том, что было до.

Артём помолчал.

— Может быть, не надо.

— Может быть. — Ника кивнула. — А может быть, надо. Чтобы не было секретов. Чтобы не было тайн. Чтобы мы были не только вместе. Но и честны.

Элина взяла её за руку.

— Хорошо. Тогда давайте. По очереди.

— Я первый, — сказал Артём. — Я… — он замялся. — Я боялся. Всю жизнь. Боялся, что меня не заметят. Что я не нужен. Что я пустое место. И когда я попал сюда — я думал, что это подтвердилось. Что я никому не нужен. Но вы… — он посмотрел на них. — Вы доказали обратное.

Ника кивнула.

— Я… — она помолчала. — Я была никем. В кармане. Много лет. Не жила. Существовала. А потом появился он. И вытащил меня. И я… — она замялась, — …я не знала, что делать. С жизнью. С телом. С собой. Я думала, что могу вернуть его. Забрать. У вас. Чтобы он был только мой. Но… — она сглотнула, — …я не смогла. Потому что вы были добры. И я… — она заплакала. — Я не хотела быть злой.

Элина обняла её.

— Ты не злая. Ты просто… потерянная. Как и все мы.

— А ты? — спросил Артём.

— Я… — Элина помолчала. — Я боялась остаться одна. После родителей. После всего. Я думала, что если буду работать. Если буду полезной. Если буду идеальной — меня не бросят. И я… — она замялась, — …я сделала больно вам. Обоим. Потому что думала, что так будет лучше. Для всех. Но это было не лучше. Это было хуже.

Артём взял её за руку.

— Мы простили. Давно.

— Знаю. — Она кивнула. — Но я не простила себя. Пока.

Ника прижалась к ней.

— Прости. Сейчас. Здесь. Втроём.

Элина закрыла глаза. И впервые за долгое время — позволила себе заплакать. Не от боли. От облегчения.

Глава 4. Поток

Аврора. Дом. Гостиная. Вечер

Ника открыла планшет. Элина села рядом. Артём — напротив.

— Итак, — сказала Ника. — «Улисс». Глава про Леопольда Блума. Утро. Он готовит завтрак.

— Зачем? — спросил Артём.

— Потому что это — поток сознания. — Ника улыбнулась. — Он думает о почках. О жене. О дочери. О том, что было. О том, что будет. Всё сразу.

Элина кивнула.

— Читай.

Ника начала читать вслух. Медленно. С паузами.

«Леопольд Блум ел с удовольствием внутренние органы животных и птиц. Любил густые супы, жаркое, фаршированные потроха…»

Артём поморщился.

— Аппетитно.

— Это Джойс. — Элина улыбнулась. — Он описывает всё. Без прикрас.

Ника продолжила.

«…Ему нравилось также наблюдать, как она одевается. Как она застёгивает юбку. Как она поправляет чулки. Как она…»

Она замолчала. Подняла глаза.

— Дальше? — спросил Артём.

— Дальше — про жену. Про то, как она одевается. Как он смотрит. Как он думает о ней. — Ника помолчала. — Это… эротично. Но не так, как в обычных книгах. А… — она замялась, — …честно.

Элина взяла планшет.

— Дай я.

Она продолжила читать. Голос был ровным. Тихим. Слова текли. Как поток. Как река.

«…Её руки. Её плечи. Её шея. Её волосы. Она расчёсывала их перед зеркалом. Долго. Медленно. Он смотрел. И думал о том, как они лежали вместе. Как она дышала. Как она…»

Элина замолчала. Посмотрела на Артёма. Потом на Нику.

— Дальше не буду.

— Почему? — спросила Ника.

— Потому что… — Элина замялась, — …это уже не про Блума. Это про нас.

Артём взял планшет. Отложил.

— Тогда, может быть, не будем читать?

— А что будем? — спросила Ника.

Элина коснулась её лица.

— Будем.

Они начали медленно. Не спешили. Слова Джойса всё ещё звучали в голове. «Её руки. Её плечи. Её шея. Её волосы». Но теперь это были не слова. Это были они. Их руки. Их плечи. Их шеи. Их волосы.

Потом они лежали на кровати. Влажные. Уставшие. Счастливые.

— Знаешь, что самое странное? — сказал Артём тихо.

— Что?

— Джойс писал про Блума. Про его жену. Про их жизнь. А мы… — он замялся, — … мы читали это и думали о себе. О нас. О том, как мы…

— Как мы любим друг друга, — сказала Ника.

— Да. — Артём кивнул. — Как мы любим друг друга.

Элина прижалась к нему.

— Может быть, поэтому Джойс и великий. Он писал про одного человека. А получилось — про всех.

Глава 5. Вслух

Аврора. Дом. Веранда. Утро

Артём сидел с планшетом. Элина — рядом. Ника — напротив. Пили чай. Молчали.

— Знаете, — сказала вдруг Элина, — я тут подумала. После Джойса.

— И?

— Литература влияет на нас. На наши отношения. На то, как мы думаем. Как чувствуем. Как говорим. — Она помолчала. — Я не замечала этого раньше. На Земле. Слишком занята была. Работой. Советом. Выживанием.

Ника кивнула.

— Я тоже не замечала. Я вообще не читала. В кармане. Нечего было читать. Только темнота. И тишина.

Артём отложил планшет.

— А я читал. В 2026-м. Но не так. Не для этого. — Он замялся. — Я читал, чтобы забыться. Уйти от реальности. От работы. От страха. А здесь… — он обвёл рукой, — …здесь я читаю, чтобы… — он не договорил.

— Чтобы что? — спросила Элина.

— Чтобы понять. — Он пожал плечами. — Себя. Вас. Мир. Всё.

Ника улыбнулась.

— Это и есть литература. Не побег. А… — она замялась, — …приближение. К себе. К другим. К жизни.

Элина взяла её за руку.

— Мы должны читать больше.

— Больше? — Артём поднял бровь. — Мы и так читаем. Каждый день.

— Не так. — Элина покачала головой. — Не просто читать. А… — она замялась, — … делиться. Обсуждать. Как вчера. Когда мы читали Джойса. Это было… — она улыбнулась, — …важно. Для нас. Для всех троих.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Ты права.

Ника встала.

— Тогда давайте начнём. Сегодня. С чего-то нового.

— С чего? — спросил Артём.

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Может быть, что-то русское. Толстой. Достоевский. Чехов. Или что-то из 2126-го. Даниил. Мира.

Элина задумалась.

— Даниил. «Тишина». Мы читали. Помнишь?

— Помню. — Артём кивнул. — Это про меня. Про то, как я чувствовал себя пустым. До тебя. До неё. До всего.

— Тогда давайте перечитаем. — Ника села обратно. — Втроём. Вслух. И обсудим.

Артём посмотрел на неё. Потом на Элину.

— Хорошо. Давайте.

Вечер. Гостиная

Они сидели втроём. На диване. Ника читала вслух. Элина слушала. Артём слушал. Слова текли. Как поток.

«Утро начинается с тишины. Не с будильника — будильников больше нет. Не с новостей — новостей больше нет. Утро начинается с того, что я открываю глаза. И смотрю в потолок. И жду. Чего? Не знаю. Чего-то. Чего-то, что должно случиться. Что-то важное. Что-то, ради чего стоит вставать. Но ничего не случается».

Ника замолчала. Подняла глаза.

— Это про меня, — сказал Артём тихо. — В 2026-м. Я так жил. Каждый день. Ждал. Чего-то. А оно не случалось.

— А сейчас? — спросила Элина.

— Сейчас… — он замялся, — …сейчас случается. Каждый день. С вами.

Ника продолжила читать.

«Я сижу на скамейке в парке и смотрю на яблоки. И жду. Чего? Не знаю. Может быть, чуда. Может быть, боли. Может быть, чего-то, что вырвет меня из этой тишины. Но ничего не происходит. Только яблоки падают. И я смотрю, как они падают. И думаю: „Вот и всё. Вот и вся моя жизнь“».

Элина вытерла глаза.

— Это грустно.

— Грустно, — согласилась Ника. — Но правда. Так бывает. С многими. Со мной. В кармане. Я тоже ждала. Чуда. Боли. Чего-то. А ничего не было. Только темнота.

Артём взял их за руки.

— Но мы нашли. Чудо. Боль. Что-то. Друг друга.

— Да, — сказала Элина. — Нашли.

Ника продолжила читать. До конца главы. Потом закрыла планшет.

— Ну как? — спросила она.

— Сильно, — сказал Артём. — Я не всё понял. Но почувствовал.

— Это и есть литература. — Элина улыбнулась. — Не понимать. А чувствовать.

Ника кивнула.

— Тогда давайте читать больше. Каждый день. Что-то новое. Или старое. Но вместе.

— Давайте, — сказал Артём.

— Давайте, — сказала Элина.

Глава 6. «Фауст"- что отдать

Аврора. Дом. Гостиная. Вечер

Они читали «Фауста» вслух. По очереди. Элина — пролог. Ника — сцену с Мефистофелем. Артём — монолог Фауста.

Потом закрыли планшет. Молчали.

— Знаете, что я думаю? — сказал Артём.

— Что?

— Фауст отдал душу за момент. За один момент счастья. А мы… — он замялся, — … мы отдали всё. Землю. Прошлое. Совет. Олега. Ради чего?

— Ради друг друга, — сказала Элина.

— Да. — Артём кивнул. — Но это не один момент. Это… — он обвёл рукой, — …всё. Каждый день. Каждую ночь. Каждое утро.

— И это лучше, — сказала Ника. — Чем один момент.

— Лучше, — согласилась Элина.

Они сидели в тишине. Свечи горели. Река шумела.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Ника.

— Что?

— Что мы не заключили сделку. — Она помолчала. — Мы не отдали душу. Мы… — она замялась, — …нашли её.

Артём посмотрел на неё.

— Нашли.

— Да. — Ника кивнула. — В себе. В вас. В этом доме. В этой жизни.

Элина взяла её за руку.

— Нашли.

Глава 7. Секрет

Артём вернулся с реки. Нёс рыбу — нашёл в заводях что-то похожее на форель. Думал, удивит их ужином. Может быть, приготовит сам. Впервые за долгое время.

Дверь была приоткрыта. Он хотел войти. Но услышал.

Тихий смех. Шёпот. Дыхание.

Он остановился. Заглянул.

Элина лежала на кровати. Ника — рядом. Они целовались. Медленно. Глубоко. Руки Элины скользили по спине Ники. Ника выгибалась. Тихо выдыхала.

Артём замер. Рыба в руке стала тяжёлой. Ноги приросли к полу.

Он смотрел. Как Элина касается Ники. Как Ника отвечает. Как они двигаются. Вместе. Без него.

Он не знал, сколько прошло времени. Может быть, минута. Может быть, больше. Он стоял и смотрел. И чувствовал что-то, чего не ожидал. Не злость. Не обиду. Что-то другое. Что-то, от чего внутри всё сжалось. И одновременно — расширилось.

Он сделал шаг назад. Потом ещё. Потом повернулся и ушёл.

Река. Час спустя

Он сидел на берегу. Рыба лежала рядом. Он смотрел на воду. Не видел её.

Он слышал шаги. Не обернулся.

— Артём? — Голос Элины. — Ты здесь?

Она села рядом. Ника — с другой стороны.

— Мы видели, что ты приходил, — сказала Ника тихо. — И ушёл.

Артём молчал.

— Ты видел нас? — спросила Элина.

— Видел.

Тишина. Долгая.

— И что? — спросила Ника.

— Не знаю. — Артём честно пожал плечами. — Я не знаю, что чувствую.

Элина коснулась его руки.

— Мы не хотели, чтобы ты видел.

— Знаю.

— Мы не хотели делать тебе больно.

— Знаю. — Он помолчал. — Но вы сделали.

Ника опустила голову.

— Прости.

— Не надо. — Артём повернулся к ним. — Не надо извиняться. Вы не сделали ничего плохого. Вы любите друг друга. Вы хотите друг друга. Это нормально.

— Но мы не спросили тебя, — сказала Элина.

— А должны были?

Она замялась.

— Не знаю. Может быть.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Знаете, что самое странное? Я не злюсь. Не обижаюсь. Я просто… — он замялся, — …чувствую себя лишним.

Ника подняла на него глаза.

— Ты не лишний.

— Иногда чувствую. — Он усмехнулся. — Вы двое. Вы красивые. Вы любите друг друга. А я… — он пожал плечами, — …я просто Артём. Из прошлого. Который не должен здесь быть.

Элина взяла его за руку.

— Ты не «просто Артём». Ты — Артём. Которого мы любим. Оба.

— Правда?

— Правда. — Ника взяла его за другую руку. — Мы любим тебя. И хотим тебя. Но иногда… — она замялась, — …иногда мы хотим друг друга. Без тебя. Это не значит, что мы не любим тебя. Это значит, что мы любим и друг друга. Тоже.

Артём молчал. Долго. Потом сказал:

— Я понимаю. Наверное. Просто… — он замялся, — …мне нужно время. Привыкнуть. К тому, что вы можете быть без меня. Что вы не только со мной. Что вы — и друг с другом.

— Мы можем подождать, — сказала Элина.

— Нет. — Он покачал головой. — Не надо ждать. Я не хочу, чтобы вы ждали. Я хочу, чтобы вы были счастливы. Даже если иногда без меня.

Ника прижалась к нему.

— Ты уверен?

— Не уверен. — Он честно пожал плечами. — Но я хочу попробовать. Потому что я люблю вас. Обеих. И хочу, чтобы вы были счастливы. Даже если мне иногда будет больно.

Элина поцеловала его в щёку.

— Ты хороший.

— Нет. — Он усмехнулся. — Я просто устал быть сломанным. Хочу быть… чем-то другим.

Ника улыбнулась.

— Тогда давай будем чем-то другим. Вместе.

Глава 8. Втроем

Аврора. Дом. Ночь. Неделя спустя

Они не говорили об этом. Просто знали. Что сегодня — тот день. Когда Артём не будет смотреть. Когда он будет с ними. Внутри. А не снаружи.

Элина зажгла свечи. Настоящие. Из воска, который они сделали сами. Ника принесла плед. Артём — вино. Тоже своё. Из ягод, которые росли у реки.

Они сели на кровать. Втроём. Близко. Не касаясь. Пока.

— Ты уверен? — спросила Элина.

— Уверен. — Артём кивнул. — Я хочу быть с вами. Не смотреть. А быть.

Ника коснулась его руки.

— Мы тоже хотим.

Они начали медленно. Не спешили. Не потому, что боялись. А потому, что хотели запомнить. Каждое прикосновение. Каждый вздох. Каждый момент.

Элина целовала Нику. Артём целовал Элину. Ника целовала Артёма. Они переплетались. Двигались. Дышали. Вместе.

— Здесь… — прошептал Артём, — …здесь всё иначе.

— Да, — выдохнула Элина. — Свободнее.

— Глубже, — сказала Ника.

Они не торопились. Не думали о прошлом. Не думали о будущем. Просто были. Здесь. Сейчас. Втроём.

Артём чувствовал их обеих. Тепло Элины. Мягкость Ники. Их дыхание. Их сердцебиение. В такт с его собственным.

Он не чувствовал себя лишним. Не чувствовал, что смотрит. Он был частью. Частью чего-то большего. Чем он сам. Чем они по отдельности. Чем всё, что было раньше.

Потом они лежали на кровати. Влажные. Уставшие. Счастливые.

— Знаешь, что самое странное? — сказал Артём тихо.

— Что? — спросила Элина.

— Я не чувствую боли. — Он помолчал. — Раньше чувствовал. Когда видел вас. Когда думал о вас. А сейчас… — он замялся, — …сейчас не чувствую. Только тепло.

Ника прижалась к нему.

— Это потому, что ты с нами. Не снаружи. Внутри.

— Да. — Он кивнул. — Внутри.

Элина поцеловала его в плечо.

— Мы любим тебя.

— Я знаю. — Он улыбнулся. — Я тоже вас люблю. Обеих. По-разному. Но одинаково сильно.

Они лежали в тишине. Свечи догорали. Звёзды светили за окном. Планета была красивой. И они были вместе.

— Знаете, что я думаю? — сказала вдруг Ника.

— Что? — спросили обе.

— Что мы наконец нашли своё место. — Она помолчала. — Не Землю. Не Аврору. А… — она замялась, — …друг друга. Все трое. Вместе.

Артём обнял их обеих.

— Я тоже так думаю.

Элина улыбнулась.

— Тогда, может быть, это и есть счастье?

— Может быть. — Артём пожал плечами. — А может быть, это просто… жизнь. Которая не болит.

Ника засмеялась.

— Тогда давай жить.

— Давай.

Эпилог. Аврора

Планета Аврора. Дом у реки. Утро

Артём проснулся первым. Как всегда. Тихо встал, чтобы не разбудить Элину и Нику. Вышел на веранду. Река шумела. Воздух был чистым — таким, к которому он так и не привык до конца. Хотя за десять лет можно было привыкнуть ко всему.

Он сварил что-то похожее на кофе. Сел в кресло. Посмотрел на небо. Две луны — одна большая, белая, другая маленькая, голубая — ещё не растворились в утреннем свете.

Дверь скрипнула. Элина вышла, закутавшись в плед.

— Ты опять встал раньше всех.

— Привычка. — Он пожал плечами. — С двадцати шести лет.

Она села рядом. Прижалась к плечу.

— Знаешь, что я думала ночью?

— Что?

— Что мы так и не вернулись. — Она помолчала. — Десять лет. А мы так и не вернулись.

Артём помолчал. Потом сказал:

— Ты жалеешь?

— Нет. — Она покачала головой. — Просто… думаю. О Земле. О Совете. Об Олеге. О том, что было бы, если бы мы вернулись.

— И что?

— Не знаю. — Она честно пожала плечами. — Может быть, было бы хуже. Может быть, лучше. Но это не наша жизнь. Наша — здесь.

Ника вышла следом. Сонная, растрёпанная. Села на перила.

— Опять философствуете с утра?

— А ты как думала? — Артём усмехнулся. — Мы же не можем просто пить кофе. Нам нужно обсудить смысл бытия.

Ника засмеялась.

— Ладно. Я тоже пофилософствую. — Она помолчала. — Я вчера получила сообщение. С Земли.

Элина напряглась.

— От кого?

— От Олега. — Ника помолчала. — Он пишет, что Совет реформирован. Что они больше не стирают людей. Что он… — она замялась, — …работает с Марком и Виктором. Открыл центр нейропластичности. Для тех, кто боится. Для тех, кто потерял. Для тех, кто хочет научиться видеть.

Артём молчал. Долго. Потом сказал:

— Он изменился.

— Похоже. — Ника кивнула. — Он пишет, что не ищет нас. Не просит вернуться. Просто… хочет, чтобы мы знали. Что он не тот, кем был.

Элина смотрела на реку.

— Мы тоже не те, кем были.

— Да, — сказала Ника. — Не те.

Они сидели втроём. Молчали. Река шумела. Солнце поднималось.

— Знаете, что я думаю? — сказал вдруг Артём.

— Что? — спросили обе.

— Что мы сделали правильный выбор. — Он обвёл рукой дом, реку, холмы. — Не идеальный. Не единственный. Но правильный. Для нас.

Элина кивнула.

— Правильный.

Ника спрыгнула с перил. Подошла к ним. Обняла обоих.

— Тогда давайте жить. Дальше. Как жили. Вместе.

— Давайте, — сказал Артём.

— Давайте, — сказала Элина.

Они стояли на веранде. Втроём. Смотрели, как встаёт солнце над Авророй. Где-то далеко, на Земле, Олег начинал новый день. Где-то ещё дальше, в прошлом, Артём Волков нажимал кнопку «Хронос-1». Где-то в будущем, которого ещё не было, кто-то читал их историю — и, может быть, узнавал себя.

Но здесь, сейчас, на этой планете, у этой реки, в этом доме — были только они. Артём. Элина. Ника. Трое сломанных людей, которые нашли друг друга. И решили остаться. Вместе. Навсегда.

— Остановись, мгновенье, — прошептала Элина.

— Ты прекрасно, — закончил Артём.

Ника улыбнулась.

— Остановилось.

Часть шесатая. Конец иллюзии

Глава 1. Раздор.

Артём проснулся первым. Как всегда. Тихо встал, чтобы не разбудить Элину и Нику. Вышел на веранду. Река шумела. Воздух был чистым. Он вдохнул полной грудью. И улыбнулся.

Дверь скрипнула. Элина вышла, закутавшись в плед. Села рядом. Прижалась к плечу.

— Ты опять встал раньше всех.

— Привычка. С двадцати шести лет.

Ника вышла следом. Сонная, растрёпанная. Села на перила.

— Опять философствуете с утра?

— А ты как думала? — Артём усмехнулся. — Мы же не можем просто пить кофе. Нам нужно обсудить смысл бытия.

Они смеялись. Готовили завтрак. Читали вслух Джойса. Говорили о «Фаусте», о телепортации, о квантовой запутанности. Строили планы. Смеялись. Любили.

Ника начала с малого. С ерунды.

— Артём, — идем в дом покажу как ты сделал стул на нем невозможно сидеть, специально,как бы найдя предлог уйти от Элины. -Ну, показывай, что я сделал не так?

— Дело не в стуле. Ответила Ника

— Ты не замечал, что она всё решает сама? Что она не спрашивает тебя?

Артём поднял бровь.

— В смысле?

— Ну, вот вчера. Она сказала: «Мы будем делать это». Не «давайте», а «мы будем». Как будто ты не имеешь права голоса.

Артём помолчал. Что-то в нём осталось. Что-то, что царапало.

На следующий день — с Элиной.

— Элина, — сказала Ника. — Ты не замечала, что он больше тянется ко мне? Может быть, он просто не хочет быть с тобой. Может быть, он хочет быть со мной. А с тобой — по привычке. Из жалости. Из чувства вины.

Элина замерла. Что-то в ней треснуло.

Вечером они ссорились. Кричали. Плакали. Ника стояла в стороне. Молчала. Смотрела. Как будто ждала.

А потом пришли корабли. Совет. Олег.

Глава 2. Высадка

Аврора. Дом. День высадки

Они пришли с рассветом. Корабли. Люди. Оружие.

Ника вышла следом. Бледная. Молчаливая. Встала между ними.

— Ника, — сказал Артём. — Ты… ты с нами?

— Нет. — Она посмотрела на них. — Я с ним. С Олегом. Я всегда была с ним. С самого начала.

Артём шагнул к ней.

— Что ты говоришь?

— Я говорю правду. — Ника не отвела глаз. — Я ссорила вас. Специально. Чтобы вы разошлись. Чтобы Артём убрался в своё время. Чтобы всё было как надо.

Элина заплакала.

— Почему? Мы же были так близки.

— Мне надо было вас развести. — Ника сказала это ровно. — Чтобы Артём убрался в своё время. Чтобы он не мешал. Чтобы всё было как надо.

Артём шагнул к ней. Близко.

— Всё это было ложью? Каждый поцелуй? Каждое слово? Каждая ночь?

— Не всё. — Ника не отвела глаз. — Иногда я чувствовала что-то. Настоящее. Но это не меняло план. План был важнее.

Элина подошла. Встала рядом с Артёмом.

— Какой план?

Ника помолчала. Потом сказала:

— Нет никакой другой планеты.

Артём замер.

— Что?

— Нет никакой Авроры. — Ника обвела рукой. — Нет дома. Нет реки. Нет холмов. Всё это сгенерировано. С помощью ИИ. Это симуляция. Виртуальная реальность. Мы не на планете. Мы в системе. В комплексе «Заря».

Элина посмотрела вокруг. На дом. На реку. На небо. На две луны.

— Это неправда.

— Правда. — Ника покачала головой. — Всё это — иллюзия. Созданная для того, чтобы вы были счастливы. Чтобы вы не мешали. Чтобы вы не сопротивлялись.

Она повернулась. Пошла к кораблям. К Олегу. Он ждал её у трапа. Улыбался.

Артём и Элина стояли на веранде. Смотрели. Не двигались.

А потом небо мигнуло. Дом мигнул. Река мигнула. Всё мигнуло.

И они оказались в белой комнате. Стерильной. Пустой. Знакомой.

Глава 3. Кукловоды

2126 год. Комплекс «Заря». Кабинет Совета

Председатель сидел за столом. Смотрел на них. Улыбался.

— Вы хотите знать, — сказал он. Это был не вопрос.

— Хотим, — сказал Артём.

— Вы оба — часть эксперимента. Артём — настоящий. Человек из 2026 года. Вы попали сюда случайно. Но мы воспользовались этим. — Он нажал на пульт. На экране появились данные. — Мы создали симуляцию. Чтобы изучить, как человек ведёт себя в сложных ситуациях. С потерей. С предательством. С любовью. Но нам нужны были участники. Женщины. Которые будут взаимодействовать с Артёмом.

Артём замер.

— Вы создали Элину?

— Да. И Нику. Обе — искусственные. Созданные на основе ваших фантазий. Ваших желаний. Ваших страхов.

Элина побледнела.

— Я… я не настоящая?

— Вы — симуляция. Но это не значит, что вы не реальны. Вы чувствуете. Вы думаете. Вы любите. Просто вы созданы. Для эксперимента.

Артём шагнул к столу.

— Зачем?

— Чтобы понять. Как люди взаимодействуют. Как они справляются с болью. Как они выбирают. Как они любят. — Председатель помолчал. — Вы — уникальный случай, Артём. Мы хотели посмотреть, как вы адаптируетесь. Как вы строите отношения. Как вы справляетесь.

Элина села на стул. Медленно.

— Значит, всё было ложью. Всё. Родители. Работа. Всё.

— Не ложью. Симуляцией. Но ваши чувства были настоящими. Ваша боль. Ваша любовь. Ваш страх. Всё это — реально.

Артём посмотрел на Элину. Потом на Председателя.

— А Ника? Она тоже искусственная?

— Да. Она — другой типаж. Созданный, чтобы проверить другие аспекты вашей личности. Вашу склонность к мести. К ревности. К прощению.

Артём молчал. Долго. Потом сказал:

— Вы играли с нами. Как с куклами.

— Мы исследовали. И мы получили результаты. Вы прошли. Вы не сломались. Вы вместе. Несмотря ни на что.

Элина встала. Подошла к Артёму. Взяла его за руку.

— Что теперь? — спросила она тихо.

— Теперь вы свободны. — Председатель нажал на пульт. — Мы можем отключить симуляцию. Или оставить её. Или создать новую. Для вас. По вашему выбору.

Артём посмотрел на Элину. Долго.

— Ты хочешь остаться?

— Не знаю. Я не знаю, кто я. Не знаю, что реально. Не знаю ничего.

Артём сжал её руку.

— Ты — Элина. Неважно, симуляция или нет. Ты — та, которую я люблю. Та, с которой я хочу быть. Та, с которой я не расстанусь. Никогда.

Элина заплакала.

— Я тоже.

Глава 4. Отключение

2126 год. Комплекс «Заря». Кабинет Совета

Председатель нажал на пульт.

Элина исчезла.

Не ушла. Не испарилась. Просто исчезла. Как будто её никогда не было. Как будто она была картинкой на экране — и кто-то выключил монитор.

Артём остался один. Стоял. Смотрел на пустое место. Где только что была она. Где только что была её рука. Её тепло. Её дыхание.

— Элина? — прошептал он.

Тишина.

— Элина!

Он обернулся. Председатель смотрел на него. Спокойно.

— Где она? — Артём шагнул к столу. — Что вы сделали?

— Отключили. Эксперимент завершён. Симуляция больше не нужна.

Артём замер.

— Вы её убили?

— Она никогда не была живой. Она была программой. Алгоритмом. Созданным для эксперимента.

Артём сжал кулаки. Подошёл ближе.

— Она была живой. Она чувствовала. Она любила. Она была настоящей.

— Для вас — да. Но не для нас. Не для системы. Она была инструментом. Способом. Средством.

Артём ударил по столу. Кулаком. Больно. Но он не почувствовал.

— Верните её.

— Не могу. Симуляция отключена. Данные удалены. Её больше нет.

Артём стоял. Смотрел на него. Не мигая. Внутри что-то рушилось.

— Тогда отключите и меня.

— Не могу. Вы — настоящий. Вы — человек. Вы не симуляция.

— Тогда что мне делать? — Артём сел на стул. Медленно. — Без неё. Без всего. Без смысла.

Председатель помолчал. Потом сказал:

— Жить. Дальше. Как все.

Глава 5. Реальность

2126 год. Исследовательский центр. Реальность

Артём открыл глаза.

Первое, что он почувствовал, — холод. Металлический. На запястьях. На щиколотках. Он был привязан. К кровати.

Второе, что он увидел, — потолок. Белый. Стерильный. С лампами. Яркими. Режущими глаза.

Третье — приборы. Вокруг него. Много. Разные. С проводами. С экранами. С мигающими огоньками.

Он попытался пошевелиться. Не смог. Ремни были крепкими.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.